

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Михайловский Александр Владиславович

ДИСКУССИИ О ТЕХНИКЕ И «ДРУГОЙ МОДЕРН» В ГЕРМАНИИ:
МЕЖДУ КУЛЬТУРКРИТИКОЙ И ТЕХНОКРАТИЕЙ

Специальность 5.7.2. «История философии»

Резюме диссертации
на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва 2024

Диссертация выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“».

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Описанные немецким исследователем и философом техники Х. Ленком системно-технократические тенденции второй половины XX столетия говорят о необходимости возврата к фундаментальным философским и социологическим дискуссиям в Германии вокруг трансформации роли техники накануне Первой мировой войны и в течение 1920–1930-х годов — дискуссий, вызванных противоречиями индустриализма, экологическим кризисом, крахом идеалов гуманизма и прогресса и не в последнюю очередь появлением новых, порожденных или усовершенствованных военной промышленностью технологий. Отсюда вытекает продуктивность рассмотрения вопроса о технике в тесной связи с «критикой современной эпохи», которая после Второй мировой войны в форме критики позднего индустриального общества. В актуальной социально-философской и исторической литературе общим местом стали утверждения о модерне как эпохе беспрецедентного динамизма (Э. Гидденс), форсированной историчности и буржуазного прогресса. При этом по-прежнему уделяется крайне незначительное внимание феномену «критики культуры» (Kulturkritik) рубежа веков, «консервативно-революционным» или «реакционно-модернистским» проектам периода Веймарской республики и Третьего рейха, а также активному возобновлению культуркритического дискурса в «эру Аденауэра». Однако именно эти видимые метания между модернизмом и традицией с их особыми понятиями («тотальная мобилизация», «героический реализм»), фигурами («рабочий», «цезарь», «техник-инженер») и ходами мысли (техника как «тактика жизни») позволяют более глубоко понять специфику и различные трансформации модерна с характерной для него амальгамой рациональных и иррациональных элементов.

Классовая борьба или социальный активизм в поддержку всеобщего равенства и универсальных прав человека является пусть важной, но все же лишь частью современной культуры, что, как нам представляется, нисколько не исключает возможных апелляций к Богу и Традиции. К замечанию интеллектуального историка Т. Рокремера о том, что ядро

цивилизационно-критических и экологических убеждений плохо вписывается в схему противопоставления правого и левого, можно добавить аналогичную констатацию применительно к технократическим идеям времен Веймарской республики и «четырёхлетнего плана» Третьего рейха. В любом случае идея Рокремера о «другом модерне» в Германии представляется очень эвристичной, а потому ее уточнение и развитие в духе социально-философской рефлексии выглядит перспективной задачей. Наряду с концепциями техники различных немецких мыслителей преимущественно консервативной ориентации предметом пристального рассмотрения должны стать проекты «инового» модерна накануне и между двух мировых войн, послевоенные концепции «завершенного модерна», в которых предвосхищается проблематика конца истории (задолго до либерального варианта Ф. Фукуямы) и звучит тема экологической катастрофы, и наконец альтернативная «духовная история техники», ставящая под вопрос классическую дихотомию материи и духа.

Есть основания надеяться, что это позволило бы существенно скорректировать позицию социальных наук, которые до недавнего времени пытались реконструировать процесс европейской модернизации как единый и целостный, охватывающий все сферы общества — экономику, политику, технику — и противопоставляющий их естественной среде, в отличие от «традиционного», «домодерного» общества. Речь идет о фундаментальной проблеме: а вправе ли мы действительно констатировать такое единство на интеллектуально-рефлексивном уровне и продолжать использовать расхожие оппозиции «проекта модерна» и «обращенного в прошлое антимодернизма», «Просвещения» и «Контрпросвещения»? Исследование культуркритики до Первой мировой войны, радикально-консервативных взглядов на технику в годы интербеллума и, соответственно, послевоенной критики научно-технической цивилизации должно выявить наличие не *одной* самоинтерпретации модерна как просвещенческо-гуманистической генеральной линии, а множества самоинтерпретаций, к которым едва ли возможно приклеить этикетки «модернизма» и «антимодернизма».

Отдавая себе отчет в сложности с употреблением понятий «модерн» и «модернизация», мы будем следовать терминологической дистинкции, согласующейся с *теорией компенсации* в школе Риттера. А именно, в общем под модернизацией на разных ее этапах предлагается понимать внедрение в общество артефактов современной жизни —

железных и автомобильных дорог, промышленных предприятий, систем коммуникаций, различных технологий от военных разработок до бытовых приборов. Модерн (или в некоторых случаях модернизм) служит общим термином для обозначения политических и культурных процессов, возникающих с появлением в обществе новых идей, новых технологий, новой системы экономического устройства или образования. Речь идет об определенном образе мышления, образе существования в современном мире, который не означает автоматически некое усредненно-позитивное отношение к переменам, а наоборот, всегда оставляет открытой возможность альтернатив, всякий раз рефлексивного отношения к процессам модернизации. «Другой модерн» (Т. Рокремер) или «альтернативный модерн» (Р. П. Зиферле) — это альтернативная модель развития, не отрицающая целерациональную организацию, необходимую для материального производства (т. е. как минимум не выдвигающая требование радикальной деиндустриализации), но стремящаяся восстановить более естественные и человеческие формы существования в современных условиях.

Актуальность исследования

Индустриальная цивилизация — это цивилизация техническая; ключевую роль в ней играют наука и техника, находящиеся в сложных взаимоотношениях друг с другом. Актуальность *вопроса о технике* вызвана возрастающим беспокойством о судьбе современной цивилизации в целом. Кризисы, порожденные «технотронной цивилизацией» (мы используем понятие П.П. Гайденко), и не в последнюю очередь экологический кризис, — вот что в конечном счете стоит за столь широким интересом к проблеме техники.

Последнее столетие второго тысячелетия вошло в историю не только под именем «короткого XX века» (Э. Хобсбаум), но и как «техническая эпоха». Человеческая экзистенция в современном обществе тысячами нитей связана с техникой, что дает основания считать последнюю центральной сферой позднего или развитого модерна¹. Освобождающий эффект «технического прогресса» очень быстро переходит в свою противоположность — эффект зависимости от техники и порождаемое им катастрофичное

---

¹ В немецкоязычной литературе широко принято обозначение «fortgeschrittene Moderne».

мышление. Технические категории господствуют в жизненном мире развитого индустриального общества. Ставшая «совершенной» техника больше не создает специфические средства для устанавливаемых человеком целей. Она производит «вторичные системы» (Х. Фрайер), т. е. сконцентрированные энергии, высокие напряжения, методы управления, которые можно использовать в самых разных целях; создает возможности, которые трансцендируют естественные способности человека. Власть «технократической тирании» (Р. Шпеманн) устроена так, что прямые попытки контролировать никем не управляемую, заряженную взрывной силой систему научно-технической цивилизации лишены смысла и ведут лишь к усугублению опасности. Отсюда возникает антропологическая потребность в компенсации, которая выражается в рациональной критике техники, а значит, периодическом возобновлении культуркритического дискурса и экологической повестки.

Новизна исследования определяется тем, что данная диссертация представляет собой не имеющую аналогов не только в русской, но и в мировой науке попытку систематического исследования дискуссий о технике в Германии в их динамическом развитии на протяжении семи десятилетий — от 1900-х до 1960-х годов включительно, — в которые вмещаются все значимые этапы формирования немецкого государства в новейшее время – от Вильгельмовской империи через Веймарскую республику и Третий рейх до ранней Федеративной Республики. Большая нюансированность рассмотрения достигается через герменевтическое применение категории интеллектуальных (философских) поколений, использующих в разные периоды различные мировоззренческие стратегии в связи с технологической модернизацией.

В поле зрения автора оказываются взгляды на проблему современной техники или – шире – проблемы научно-технической цивилизации, воплощенные в творчестве более чем 20 немецкоязычных философов, ученых и инженеров XX века. При этом среди рассматриваемых фигур примерно половина – это «звезды первой величины» вроде В. Зомбарта, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, Э. Юнгера, а другую половину составляют малоизвестные и даже незаслуженно забытые фигуры вроде Т. Лессинга, М. Хольцера или М. Шрётера. Для исследования выбраны около полусотни книг этих авторов, среди которых есть как настоящие бестселлеры (в том числе никогда не переводившиеся на русский язык)

вроде «Проклятой культуры» Т. Лессинга или «Души в техническую эпоху» А. Гелена, так и архивные публикации вроде «Первовопросов» Шпенглера или «Философии техники» Х. Харденсетта.

Впервые в отечественной литературе поставлена и выполнена задача по максимально детальному анализу *критики техники* как важной составляющей немецкой философии жизни накануне Первой мировой войны. Для достижения этой задачи необходимо было показать преемственность основных идей культуркритики от Руссо, Маркса и Ницше к Зомбарту, Зиммелю, Ратенау, Лессингу, Клагесу и др.

Впервые на русском языке всесторонне проанализировано немецкое технократическое движение на примере основных его представителей – Х. Харденсетта и М. Шрётера. Также впервые проведено исследование технократических идей внутри раннего (левого) национал-социализма; высказана и обоснована гипотеза о близости идеи «подлинной техники» М. Хайдеггера к «фёлькиш»-технократии Г. Федерера. Наконец, показано внутреннее развитие и идеологическая неоднородность национал-социалистической инженерной мысли о технике до 1942 года.

На теоретическую новизну претендует и концептуальная рамка *маятникового модерна*, с помощью которой описывается и объясняется эволюция дискурса о технике как значимого элемента рефлексивного модерна от начатков экологического мышления внутри культуркритики периода вильгельмовского рейха до героического преодоления технического отчуждения во время Веймарской республики и от специфической немецкой технократии в годы Третьего рейха к антиядерному движению и обновлению культуркритического дискурса в ранней Федеративной Республике. Эти три периода соотносятся с циклом движения математического маятника. В соответствии с моделью маятника описывается и объясняется циклическая структура немецкого дискурса о технике как значимого элемента рефлексивного модерна. В хронологическом отношении центральное место занимает эпоха Веймарской республики, тематический же акцент делается на концепциях техники внутри так называемой «консервативной революции». Подвергая сомнению распространенное прежде всего в германоязычной литературе однозначное проведение консервативно-революционных идей под рубрикой «реакционной критики цивилизации» («reaktionäre Zivilisationskritik») и «Контрпросвещения» («Gegenaufklärung»), исследование в то же время трактует консервативный дискурс о

современной технике как парадигмальный и наилучшим образом проясняющий социокультурные следствия технического модерна.

Автор вводит новые терминологические обозначения для сменяющих друг друга парадигм – «компенсаторная» и «проактивная», которым соответствуют два типа дискурса – культуркритический и технократический. В исследовании высказывается гипотеза о том, что с помощью этой циклической модели можно описывать и анализировать целый ряд значимых современных дихотомий в философии и культуре – рационализм и иррационализм, секуляризм и антисекуляризм, деиндивидуализация и реиндивидуализация. Эта оптика и поддерживающая ее метагерменевтическая методология с ее вниманием не только к духовно-историческим контекстам, но и к вопросу феноменологической взаимосвязи поколений и эпохи открывает новые перспективы для историко-философских исследований.

Степень теоретической разработанности темы

В то время, как отдельные вопросы, связанные с оценками современной техники у немецких консервативных философов и социологов, широко обсуждаются в современной западной научной литературе, проблема взаимоотношения между двумя типами дискурса о технике («культуркритического» и «технократического») в ее целостности и исторической динамике никогда не рассматривалась ни отечественными, ни западными исследователями. В целом, весь массив научных работ, значимых для работы над данной темой, можно разделить на две части: а) *историко-философские работы и интеллектуально-исторические работы, посвященные тем или иным моментам в истории развития рефлексии о технике и философии техники в Германии* и б) *теоретические исследования, осмысляющие проекты «другого модерна».*

Следует отметить, что разделение между этими группами работ носит в достаточной степени условный характер: историко-философские исследования зачастую поднимают теоретические вопросы, а теоретические работы не могут обойтись без историко-философской проработки текстов, принадлежащих перу классиков философии техники.

Говоря о первой группе работ, нельзя обойти вниманием масштабные обзоры истории немецкой философии техники – коллективные монографии под редакцией К.-Х. Дельшена

и Й. Гиратса «Философия техники. Дискуссия о технике в философии XX века» и К. Хубига «Размышления о технике: классики философии техники», а также сборник статей об авторах консервативной революции «Титан Техники» под редакцией Ф. Штрака². В этом же ряду следует упомянуть важные русскоязычные исследования Г.М. Тавризян «Философы XX века о технике и „технической цивилизации“» и В.Г. Горохова «Техника и культура. Возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX — начале XX столетия (сравнительный анализ)»³. Развитие культуркритического и технико-критического дискурса, а также проблему кризиса культуры рассматривают К. Бергманн, Г. Болленбек, В. Клемс, Ж. Мерлио, Р.П. Зиферле, Ю.Н. Давыдов, Л.Г. Ионин, Т.Ю. Сидорина⁴; энвайронменталистскому дискурсу посвящены работы историков А. Брамвелл, Р. Доминика, Т. Лекана, Т. Целлера, М. Чиока⁵;

---

² *Delschen K.-H., Gieraths J. (Hrsg.). Philosophie der Technik. Die Technikdiskussion in der Philosophie des 20. Jahrhunderts.* Frankfurt am Main; Berlin; München: Verlag Moritz Diesterweg, 1982; *Hubig Ch. (Hrsg.). Nachdenken über Technik: die Klassiker der Technikphilosophie.* 2., unveränd. Aufl., Berlin: Ed. Sigma, 2001; *Titan Technik.* Hrsg. von Friedrich Strack. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000.

³ *Тавризян Г. М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации».* М.: РОССПЭН, 2009; *Горохов В. Г. Техника и культура. Возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX — начале XX столетия (сравнительный анализ).* М.: Логос, 2010.

⁴ *Bergmann K. Agrarromantik und Großstadtfeindlichkeit.* Meisenheim am Glan: Hein, 1970; *Bollenbeck G. Eine Geschichte der Kulturkritik. Von J. J. Rousseau bis G. Anders.* München: Beck, 2007; *Klems W. Die unbewältigte Moderne. Geschichte und Kontinuität der Technikkritik.* Frankfurt am Main: Gesellschaft zur Förderung arbeitsorientierter Forschung und Bildung, 1988; *Merlio G., Raulet G. (Hrsg.). Linke und rechte Kulturkritik. Interdiskursivität als Krisenbewußtsein.* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005; *Sieferle R. P. Fortschrittsfeinde. Opposition gegen Technik und Industrie von der Romantik bis zur Gegenwart.* München: Beck, 1984; *Давыдов Ю. Н. Стабилизационное сознание в век кризиса: его основополагающие категории // История теоретической социологии: В 4 т. Т. 3 / Отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов.* М.: Канон+, Реабилитация, 2002. С. 5–28; *Ионин Л. Г. Социология культуры: Учеб. пособие для вузов.* М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004; *Сидорина Т.Ю. Парадоксы кризисного сознания.* М.: РГГУ, 2002; *Сидорина Т. Ю. Философия кризиса. Учебное пособие.* М.: Флинта-Наука, 2003.

⁵ *Bramwell A. Ecology in the twentieth century: a history.* New Haven, CT: Yale University Press, 1989; *Dominick III R. The environmental movement in Germany. Prophets & Pioneers, 1871–1971.* Indianapolis: Indiana University Press, 1992; *How Green Were the Nazis? Nature, Environment, and Nation in the Third Reich.* Edited by Franz-Josef Brüggemeier, Marc Cioc, and Thomas Zeller. Athens: Ohio University Press, 2005; *Germany's Nature: Cultural*

еще более редки историко-социологические исследования немецкой технократии в годы Веймарской республики и Третьего рейха: это Ш. Виллеке, А. Бамме, Х. Майер, Дж. Гьюз⁶. При этом концепциям техники у отдельных немецких философов и сопоставлению этих концепций посвящено гораздо больше работ, написанных как зарубежными – Б. Бабич (об Андерсе), Б. Байер (о Хайдеггере и Гелене), В. Блок (об Э. Юнгере и Хайдеггере), С. Виетта (о Хайдеггер), Ж. Мерлио (о Шпенглере), Г. Зойбольд (о Хайдеггере), К. Клагенфурт (о Гюнтере), Т. Майер (о Зомбарте), Д. Морат (о Хайдеггере и братьях Юнгерах), Х. Позер (о Дессауэре и Хайдеггере), Г. Свер (о Шпенглере), П. Травни (о Юнгере и Хайдеггере) Х. Хильдебрандт (об Андерсе и Хайдеггере), У. Фрёшле (о Ф.Г. Юнгере), М. Фрингс (о Шелере), М. Циммерман (о Хайдеггере), Х. Д. Хеллиге (о Ратенау), Э. Якоб (о Хайдеггере и Йонасе), – так и российскими авторами – М.А. Богатов (о Хайдеггере), А.В. Логинов (о Гелене), И.В. Демин (о Ф.Г. Юнгере), А.Ю. Нестеров (о Дессауэре), А.Н. Павленко и Е.В. Середкина (о Дессауэре и Хайдеггере), А.М. Руткевич (о Шпенглере и Гелене), Н.С. Скипин (о Шпенглере), Г.М. Тавризян (о Шпенглере и Шельски) и Э.М. Спицова (об Андерсе).

Что же касается западных исследований, посвященных «антидемократическому мышлению» и «культурному пессимизму», укажем сначала на тенденциозные и устаревшие по многим параметрам исследования Дж. Мосса, Ф. Стерна и К. Зонтхаймера⁷. Тем не менее они до сих пор задают дискуссионное поле, и от них отталкиваются более современные

Landscapes and Environmental History. Edited by Thomas Lekan and Thomas Zeller. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 2005.

⁶ *Bammé A.* Alles hat seine Zeit und jede Zeit hat ihre Wirklichkeit // Hardensett H. Philosophie der Technik. Hrsg. und mit einem Nachwort von A. Bammé und einer Einführung von S. Willeke. Marburg: Metropolis-Verlag, 2017; *Willeke S.* Die Technokratiebewegung in Nordamerika und Deutschland zwischen den Weltkriegen: Eine Vergleichende Analyse. Frankfurt am Main u. a.: Lang, 1995; *Guse J. C.* Volksgemeinschaft Engineers: The Nazi «Voyages of Technology» // Central European History. Vol. 44. No. 3 (September 2011). P. 447–477; *idem.* Nazi technical thought revisited // History and Technology. Vol. 26. No. 1. March 2010. P. 3–38; Technische Intelligenz und «Kulturfaktor Technik». Hrsg. von Helmut Maier, Burkhard Dietz, Michael Fessner. Münster: Waxmann, 1996.

⁷ *Stern F.* The Politics of Cultural Despair. The Study in the Rise of Germanic Ideology. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1961 (нем. изд.: *Stern F.* Kulturpessimismus als politische Gefahr: eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland. Bern; Stuttgart; Wien: Scherz, 1963); *Mosse G. L.* The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich. N. Y.: Grosset & Dunlap, 1964; *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München: Nymphenburger Verlagshandlung, 1962.

интеллектуально-исторические исследования Дж. Херфа, Л. Дюпё, Р.П. Зиферле, М. Гроссхайма и Т. Рокремера⁸, которые рассматривают «консервативную революцию» как часть модерна и тем самым предлагают более объемное видение «дилеммы консерватизма» (М. Грайффенхаген). С одной стороны, наша работа исследует и уточняет отношение между понятиями «консервативная революция», «реакционный модернизм», «другой модерн» и «альтернативный модерн». С другой стороны, она дискурсивно принадлежит и российскому контексту, где «реститутивный консерватизм» или «просвещенный консерватизм» с его критикой модерна в форме либерализма, рационализма и капитализма, апологией государства, веры, воинской доблести, наконец, теорией народа как общности, превосходящей атомизированное гражданское общество, в последние 20 лет рассматривается как один из самых существенных ресурсов современной социально-философской мысли (работы А.М. Руткевича, А.Ф. Филиппова, Л.Г. Ионина, Б.В. Межуева, М.В. Ремизова⁹).

Наконец, развитие теории «другого модерна» в форме гипотезы маятникового модерна было бы невозможно без всесторонней критики теории модернизации,

---

⁸ *Herf J.* Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; *Dupeux L.* «Kulturpessimismus», Konservative Revolution und Modernität // *Gangl M., Raulet G.* (Hrsg.). Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik. Zur politischen Kultur einer Gemengelage. Frankfurt a.M./New-York: Lang, 1994. S. 287–299; *Sieferle R. P.* Die Konservative Revolution: Fünf biographische Skizzen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1995; *Großheim M.* Ökologie oder Technokratie? Der Konservatismus in der Moderne. Philosophische Schriften (PHS). B. 14. Berlin: Dunker & Humblot, 1995; *Rohkrämer T.* Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880–1933. Paderborn; München: Schöningh, 1999; idem. Antimodernism, Reactionary Modernism, and National Socialism // *Contemporary European History* 8 (1999). Pp. 29–50.

⁹ *Ионин Л. Г.* Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010; *Межуев Б. В.* Диалектика Контрпросвещения // *Вопросы философии.* 2022. № 6. С. 45–57; *Ремизов М.В.* Опыт консервативной критики. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002; *Руткевич А.М.* Консерваторы XX века: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2006; *Филиппов А. Ф.* Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма // *Фрайер Х.* Революция справа. М.: Практис, 2008. С. 99–143.

осуществленной немецкими социологами В. Кнёблем и Х. Йоасом¹⁰, а также ряда макросоциологических теорий, предлагающих выходы из апорий линейного модерна.

Осмыслению консервативными теоретиками феномена технического модерна уделяется несправедливо мало внимания. Отсутствие единой четкой позиции немецкого консерватизма в отношении модернизации до сих пор представляет собой нерешенную теоретическую проблему. В частности, наблюдается глубокая амбивалентность в отношении ценности техники (scil. технического и промышленного прогресса), причем зачастую у одних и тех же авторов в разные периоды творчества. В зарубежных исследованиях последних 30 лет можно выделить несколько попыток закрыть этот пробел. Анализируя литературу консервативной революции, французский историк Л. Дюпё просто констатировал своего рода зияние или разрыв между оптимистическими сторонниками модернизма и пессимистическими приверженцами теорий декаданса. Правда, экспликация этого тезиса получилась у него бесцветной и ошибочной. Другая попытка принадлежит М. Гроссхайму. Немецкий ученый показывает, что, с одной стороны, традиция культуркритики порождает фундаментальную экологическую философию, а с другой стороны, разрабатываются новые технократические концепции, активно включающие в себя элементы современности. Обе позиции имеют своих выдающихся представителей: Л. Клагес и Ф.Г. Юнгер выступают как радикальные критики техники, в то время как Э. Юнгер связывает с «тотальной мобилизацией» новые захватывающие возможности как для человеческого опыта, так и для государственного строительства. Под впечатлением от дистопии «Рабочего» происходит поразительный поворот М. Хайдеггера к критике техники. Продуктивность подхода Гроссхайма заключалась в том, что он включил в рассмотрение представителей критической теории, которые позволяют выявить «дилемму консерватизма». Гроссхайм приходит к выводу, что настоящая дилемма консерватизма заключается в его неспособности определить последовательную и ясную позицию по отношению к технике.

Однако и этот вывод нельзя считать удовлетворительным, поскольку он не дает ответа на главный вопрос: с чем связано столь амбивалентное отношение к современной технике,

---

¹⁰ Knöbl W. Spielräume der Modernisierung. Das Ende der Eindeutigkeit. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2001; Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций / Пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2011.

если мы признаем, что культурпессимизм, с одной стороны, и героический реализм, с другой, как два выражения революционного консерватизма не просто являются гегуинно-модерными феноменами, но и соответствуют амбивалентности текущей социально-политической повестки («любовь к родной земле / имперское господство»; «разрушительное воздействие техники на культуру и природу / поддержание экономического роста и улучшение качества жизни» и т.д.)

Дискурсивная ситуация вокруг концептов «антимодернизма» и «реакционного модернизма» была всесторонне проанализирована в работах Т. Рокремера. Он подвергает критике, пожалуй, наиболее влиятельное исследование инженерной идеологии периода Веймарской республики и Третьего рейха, опубликованное Д. Херфом под заголовком «Реакционный модернизм» и до сих пор пользующееся высоким авторитетом у интеллектуальных историков. Его основной тезис звучит следующим образом: радикальные правые в Веймарской республике и наследующие им идеологи национал-социализма осуществили «примирение между антимодернистскими, романтическими и иррационалистическими идеями», с одной стороны, и «современными технологиями» — с другой.

Во-первых, критика понятий «антимодернизм» и «реакционный модернизм» сводится у Т. Рокремера к доказательству того, что консервативное отношение к технике характерно не только для Веймарской республики, но и для вильгельмовского рейха. Так, даже культуркритика до Первой мировой войны не отвергала технологии полностью (=луддизм), а пыталась найти способы их использования в соответствии со своими представлениями о естественной и культурной общности. Во-вторых, анализ взглядов на технику В. Ратенау и Э. Юнгера позволяет ему также утверждать, что Третий рейх с его прагматическим и часто непоследовательным использованием технологий был значительно менее технократически ориентирован, чем «модернизм» Веймарской республики.

Вклад Гроссхайма и, в особенности, Рокремера ценен разработкой идеи «другого модерна», а именно, пониманием того, что маркером модерности начиная с имперской Германии является не столько демократический или либеральный характер социокультурных, экономических и политических процессов, сколько рефлексивное отношение к технике и научно-техническому прогрессу, с которой может в разное время могут связываться как угрозы для национальной экзистенции («экологическое

мировоззрение»), так и широкие шансы для передового развития народа («технократическое мировоззрение»).

Источниковая база исследования

Источники, послужившие основой для диссертационного исследования, состоят из нескольких групп произведений.

К первой группе относятся культуркритические сочинения немецких социологов и философов от времени *fin de siècle* до Первой мировой войны включительно. Считается, что наиболее ранний образчик культуркритики принадлежит К. Марксу. Он представлен в первом томе «Капитала» (первое издание 1867 г.). После краткого обзора историко-критического анализа техники у Маркса мы переходим к рассмотрению высказываний Ницше на тему техники и роли рабочего в сочинениях 1880-х гг. Далее в фокус нашего внимания попадают преимущественно авторы, чья критика культуры формировала философский ландшафт в Германии начала XX в.: мы обращаемся к источникам, содержащим критику капитализма, техники и «механизации». Это классический труд немецкого социолога В. Зомбарта «Современный капитализм» в первом и втором издании, а также «Буржуа» (1913) и военный памфлет «Торгаши и герои» (1915). Следующими являются эссе В. Ратенау «О критике эпохи» (1912) и «О вещах грядущих» (1915) из Собрания сочинений (*Gesammelte Schriften*) 1918 г. В эту же группу входят произведения двух близких по духу философов, выбранных для иллюстрации протоэкологического мышления: манифест Л. Клагеса «Человек и Земля» (1913), а также эссе Т. Лессинга «Шум» (1908) и «Проклятая культура» (1921). Мы исходим из репрезентативности этой подборки сочинений и весомости предложенного этими авторами «диагноза эпохи» в плане критики техники.

Вторую группу составляет не менее значительный корпус текстов основных протагонистов «консервативной революции», которые предметно писали о технике. Это работы О. Шпенглера «Человек и техника» (1931) и изданные М. Шрётером архивные фрагменты итогового сочинения «Первовопросы». Из собрания сочинений Э. Юнгера (*Sämtliche Werke*, 1980–2002) для нас были важны 7 и 8 тома («Тотальная мобилизация», «Рабочий», «О боли», «Через линию», «У стены времени», «Maxima-Minima»), 19 и 21 тома

(«Ножницы», «Смена гештальта. Прогноз на XXI век»), а также том «Политической публицистики» (Politische Publizistik, 2001), вышедшие под редакцией Э. Юнгера иллюстрированные альбомы о Первой мировой войне и революционных изменениях в современном обществе. В тексте диссертации использованы некоторые находящиеся в моем распоряжении материалы из Архива немецкой литературы DLA Marbach. Сочинения Э. Юнгера цитируются, как правило, по подготовленным и изданным нами в разное время комментированным переводам на русский язык. К этой же группе источников примыкают сочинения Х. Фрайера – опубликованная в нашем переводе программная статья «К философии техники» (1929), равно как переведенная на русский язык «Революция справа» (1931) и две поздние работы, не переведенные на русский язык книга «Теория современной эпохи» (1955) и большая статья «О доминировании технических категорий...» (1961).

Третья группа работ в известной степени разнородна, хотя и принадлежит к периоду поздней Веймарской республики – раннего Третьего рейха. В ее основе – никогда не рассматривавшиеся в русскоязычной литературе сочинения представителей немецкого технократического движения и близких к нему философствующих инженеров – «Философия техники» Ф. Дессауэра (1927), «Капиталистический и технический человек» (1932) Х. Харденсетта и его же неоконченный труд «Философия техники», опубликованный по архивной рукописи социологом А. Бамме. Также это монография М. Шрётера «Философия техники» (1934) и ряд статей постоянных авторов журнала Союза немецких инженеров (VDI) «Technik und Kultur». К этой же группе примыкают книга М. Хольцера «Техника и капитализм» (1932) и его статьи в журнале «Die Tat». В качестве примера национал-социалистической технократии мы рассматриваем сочинения П. Швербера, Г. Федера и Ф. Тодта, равно как статьи этих и других партийных авторов в официальном органе Боевого союза немецких архитекторов и инженеров (KDAI) «Deutsche Technik».

Четвертую группу образуют близкие по времени (Вторая мировая война и послевоенное время) и по культуркритической тональности философские сочинения Ф.Г. Юнгера и М. Хайдеггера. Если первый представлен главным образом эссе «Совершенство техники» (1939–1946), то размышления его знаменитого современника о нигилизме, технике, *Machenschaft* и *Ge-stell* встречаются во многих томах Полного собрания сочинений (Gesamtausgabe) и едва необозримы. Мы сфокусировались на следующих работах: выступления ректорского периода (GA 16, «Das Rektorat»), «О существе и понятии *physis*»,

«Время картины мира», «К вопросу о бытии (О „линии“)» (Vd. 5, Vd. 9), «Вопрос о технике» (Vd. 7), а также подготовленные П. Травни на основании архивных материалов тома «Об Эрнсте Юнгере» (Vd. 90) и «Черные тетради» (Vd. 94).

Костяк пятой – самой неоднородной группы источников – сформировали немецкие издания и переиздания сочинений Г. Андерса «Устарелость человека» в 2-х томах (1956 и 1980), А. Гелена «Душа в техническую эпоху» (1957) и Х. Шельски «Человек в научной цивилизации» (1961). Эти классические работы по философии техники рассматриваются в единичных публикациях на русском языке и никогда в целостном контексте послевоенной консервативной мысли. Наконец, ключевая книга представителя второго поколения кибернетики, германо-американского философа Г. Гюнтера «Сознание машин» (вторая редакция 1963 г. с добавлениями) полностью выпала не только из внимания российских исследователей, но и практически неизвестна западным историкам философии. Изучению этих работ (переводов которых не существует на русском языке) посвящена последняя глава диссертации, вскрывающая их историко-философское значение в свете дискуссии о технократии в Германии 1960–1970-х годов.

Объект и предмет исследования

Объектом данного исследования являются дискуссии о технике в Германии среди консервативных социологов и философов, а также философствующих инженеров-технократов в период, который начинается до Первой мировой войны и заканчивается 1960-ми годами.

Предметом исследования выступает динамика «другого модерна», которая рассматривается на примере чередования культуркритической и технократической парадигм в осмыслении феномена современной техники и ее роли в жизненном мире позднего индустриального общества.

Понятие *дискуссий о технике* шире понятия философии техники, однако его употребление представляется методически более целесообразным. За исключением IV и V глав и параграфов, посвященных таким мыслителям, как Т. Лессинг или Г. Андерс, в диссертации описывается и анализируется главным образом консервативная мысль о технике в Германии. Марксистская культуркритика, включая критику инструментального

разума во Франкфуртской школе, привлекается, как правило, по случаю для иллюстрации общих закономерностей рефлексивного модерна в Германии, распространяющихся как на левую, так и на правую мысль. Вместе с тем исследование не претендует на всесторонность и исчерпание всех концепций техники и технического развития в Германии.

В этом смысле следует специально оговориться относительно выбора верхней временной границы исследования. В 60-е годы XX века, под воздействием научно-технической революции и кибернетики, появляются принципиально новые взгляды на технику (Х. Шельски и Г. Гюнтер). Это образует некий водораздел с так называемой «классической теорией», которая интересовалась техникой как реальностью *sui generis* или сущностью техники, понимая под *Technik* прежде всего способ производства вещей или сами технические артефакты — одним словом, «аналоговую» технику, а не «трансклассическую технику» или особую форму разума, т. е. техническую рациональность и конкретные *technologies*, вызывающие трансформацию общества в направлении информатизации и последующей цифровизации.

Цель и задачи

Цель данного исследования состоит в том, чтобы реконструировать ход развития немецких дискурсов о технике условно после 1900 года и до 1960-х годов и проанализировать отраженную в них историческую динамику «другого модерна».

Первая задача настоящего исследования состоит в том, чтобы продемонстрировать, как развитие дискуссии о технике в Германии на протяжении столь длительного времени соотносится с такими феноменами интеллектуальной жизни, идейными и философскими направлениями, как природоохранное и молодежное движения, технократическое движение, антиядерное движение, философия жизни, философская антропология, инженерная философия техники. Для решения этой задачи мы считаем прежде всего необходимым выявить содержательное и дискурсивное своеобразие культуркритицизма и энвайронментализма и типологически отграничить его от технократической установки на героическое преодоление критики техники. Также требуется четко прописать отличия критики техники до Первой мировой войны, в период интербеллума и после Второй мировой войны.

Вторая задача заключается в том, чтобы дать безоценочное описание различных социокультурных логик внутри технической современности и вычленить закономерность чередования рефлексивных парадигм, объясняющих культурно-исторические взаимосвязи. Решение этой задачи предполагает критику макросоциологических теорий однолинейного модерна (часто задающих оптику и для исследователей интеллектуальной истории) и выделение целой палитры контрпроектов внутри модерна, представленных в рефлексии о современной технике главным образом у немецких консервативных мыслителей различных поколений.

Третьей задачей диссертационной работы служит анализ и истолкование значения технократического движения и инженерной философии техники в Германии 1920–30-х гг. Чтобы решить эту задачу, необходимо прояснить отношение основных представителей к концепциям техники у «реакционных модернистов», с одной стороны, и к национал-социалистическому проекту фёлькиш-технократии, с другой.

Четвертой задачей является объяснение различных амбивалентностей в отношении техники, в частности, комбинацию «аграрно-романтических» выпадов против урбанизации, капитализма и буржуазных ценностей с прославлением «немецкой техники» в идеологии национал-социализма; признания «бытийно-исторического» значения техники для европейского человечества с очевидными энвайронменталистскими тенденциями в мысли Хайдеггера; наконец, двойственности в отношении между рационализмом и иррационализмом (Просвещением и Контрпросвещением) у подавляющего большинства мыслителей как левого, так и правого лагеря. Это предполагает комплексное рассмотрение отношений между реперными точками в дискуссии о технике – «техники», «природы», «культуры», «экономики», «труда», «свободы» и др.

Пятой задачей является объяснение эволюции послевоенного немецкой консервативной философии и социологии от пессимистических оценок перспектив развития научно-технической цивилизации в духе культуркритики к более нейтральному и даже апологетическому описанию процессов, связанных с автоматизацией и кибернетизацией.

Методы исследования

1) Привлечение обширного философского материала подразумевает использование метода *сравнительного историко-философского анализа*, необходимого для сопоставления философских концепций, рассмотрения творческой эволюции авторов в контексте интеллектуальных тенденций эпохи, реконструкции дискуссионного поля и выявления дискурсивных взаимосвязей между текстами различных мыслителей. В особенности, этот метод доказывает свою продуктивность там, где стоит задача продемонстрировать (на филологическом и биографическом уровне) трансформацию отдельных понятий и ходов мысли на протяжении больших периодов времени, сопоставимых с длительностью одного или нескольких философских поколений.

2) Исследовательская работа с источниками должна придерживаться *феноменологическо-дескриптивного подхода*, который требует теоретической непредвзятости и потому отказывается применять готовые теоретические и/или идеологические шаблоны при прочтении и интерпретации текстов. Иначе говоря, следует воздерживаться как от негативных, так и от позитивных оценок, следуя лишь тому, что диктует сам предмет. Особенно это актуально в случае с наследием так называемой «консервативной революции», которую некоторые леволиберальные историки идей вписывают в готовый шаблон «антидемократического мышления».

Этот метод также подразумевает наличие нескольких языков описания: в исследовании выделяется а) язык первого уровня, принадлежащий конкретно-исторической эпохе, б) его тематизация в языке реципиентов или критиков, в) и собственно язык исследования или метаязык, позволяющий увидеть и вычленить особенности первых двух языков и потому принципиально отличный от них.

3) Первые два подхода сочетаются с *герменевтическим методом* или, точнее говоря, *методом философской герменевтики*. За основу берется разработанный Х.-Г. Гадамером принцип аппликативности понимания. Аппликация – приложение, применение смыслов текста к ситуации, в которой находится интерпретатор. Здесь открывается возможность сохранить континуум смысла и открыть практическую значимость классической мысли по философии техники для текущих дискуссий. При этом сохраняются два незыблемых принципа *реконструкции* смысла текста (при сохранении конкретно-исторического

своеобразия) и *интеграции* (раскрытие когнитивного потенциала) в современное проблемное поле.

Метод философской герменевтики обогащается «генеративной» перспективой, которая позволяет понять поколенческую обусловленность герменевтического опыта.

4) Предполагается также использование *кросс-дисциплинарного подхода*, наиболее адекватно отвечающего задачам *интеллектуальной истории*. Имеется в виду рассмотрение отдельных философских построений не как эманаций всеобщего мирового духа, а как объектов культуры, точек различных социальных проекций, мировоззренческих образов поколений. Таким образом, исследователь получает возможность работать на стыке методов и терминологий разных дисциплин, так или иначе вовлеченных в разбор данной темы (социальная и политическая философия, социальная история, философия культуры, философская герменевтика и т.д.).

5) Наконец, разработанная Р. Козеллем методологическая программа *«истории понятий»* (Begriffsgeschichte) позволяет сделать акцент на зависимости семантических структур исторических понятий от форм переживания исторического времени или исторической темпоральности. Поэтому анализ исторических понятий, к которым относятся и понятия философии техники («труд», «прогресс» и др.), и понятия критики культуры («природа», «цивилизация», «культура», «современность» и др.), позволяет «схватить» историческую темпоральность, т.е. проникнуть в самую суть интеллектуальной истории.

Основные результаты исследования, выносимые на защиту

1) Существуют два основных типа рефлексии и дискурса о технике – культуркритический и технократический, – которые сменяют друг друга через определенные промежутки времени как в одном и том же, так и в разных философских поколениях. Анализ цивилизационной критики техники до Первой мировой войны включительно, представленный двумя поколениями философов и социологов В. Зомбартом, Г. Зиммелем, М. Вебером, В. Ратенау / Л. Клагесом, Т. Лессингом, М. Шелером дает возможность сконструировать «идеальный тип» критики техники, который определяется инструментальной трактовкой технических средств и

убеждением в том, что механизация и массовизация современного общества, отчуждение труда, психологическая деградация etc. суть следствия инверсии отношения «назначение/средство» («Zweck/Mittel»). Этот тип критики культуры преодолевается в разнообразных технократических дискурсах Веймарской республики и первых лет Третьего рейха, для которых в целом характерны аффирмативное отношение к технологиям и позитивная оценка их роли в развитии «народного сообщества». Однако цивилизационно-критический тип дискурса возвращается в последние годы существования Третьего рейха и в первое десятилетие Федеративной Республики и *mutatis mutandis* (отказ от инструментальной трактовки техники) воспроизводится представителями двух новых философских поколений, родившимися около «года трех кайзеров» (Х. Фрайер, М. Хайдеггер, К. Шмитт) или пережившими Первую мировую войну и «ревушие двадцатые» в сравнительно юном возрасте (Э. Юнгер, Ф.Г. Юнгер, Х. Фишер, А. Гелен, Г. Андерс).

2) Новая периодизация философской мысли о технике в Германии в 1900 – 1960-х гг. предполагает чередование двух диахронных парадигм «другого модерна». Их последовательность описывается моделью маятникового колебания: 1) культурпессимистическая парадигма компенсации (кризисных явлений модерна) и 2) проактивная парадигма в смысле инициативной и деятельной вовлеченности, создающей образы будущего и задающей новые ориентиры в осмыслении самих фундаментальных условий технического модерна. Первая определяет культуркритический дискурс в «философии жизни» вильгельмовской эпохи, а затем – критику современной техники (Ф.Г. Юнгер и М. Хайдеггер) в последние годы Третьего рейха и после Второй мировой войны, а также консервативный скепсис в отношении позднего индустриального общества в социологии и философской антропологии в ранней Федеративной Республике (Х. Фрайер, Х. Фишер, А. Гелен, Г. Андерс). Вторая определяет консервативно-революционный и технократический дискурс в Веймарской республике и в первые годы Третьего рейха, а затем – апологетическое отношение к технике у второй волны кибернетиков (Г. Гюнтер), равно как и всю «дискуссию о технократии» в 1960–1970-е гг.

3) «Дискуссия о технократии» образует водораздел между классическими теориями техники и системной теорией техники в Германии; техника приобретает иную

функцию, являясь уже не посредником между человеком и окружающей средой, но общей теорией всех систем, физических и духовных. В то же время происходит возобновление проактивной парадигмы рефлексивного модерна, после которой следует очередное возвращение к культуркритической и экологической (компенсаторной) повестке. Таким образом, период одного колебания маятника на рассматриваемом отрезке интеллектуальной истории Германии составляет приблизительно 20 лет; полный цикл колебаний составляет приблизительно 40 лет.

4) Несколько разных интеллектуальных поколений в один период времени могут иметь один и тот же образ мира; одно и то же поколение в разные периоды времени может разделять разные образы мира в зависимости от изменения общественно-исторической взаимосвязи.

5) Смена одной интеллектуальной парадигмы на другую не является необратимой; волнообразное движение объясняется культурно-антропологическими причинами, например, активностью и энтузиазмом в создании «второй природы» с использованием новых технических изобретений, равно как и усталостью от активизма, «пацифизмом в борьбе с природой» (Шпенглер), компенсаторным стремлением к сохранению окружающей среды, восстановлению более человеческих форм существования в современных условиях.

6) Установление этой закономерности в интеллектуальной истории Германии означает вероятность наличия связи между целым рядом рефлексивных социокультурных характеристик модерна – технопессимизмом, энвайронментализмом, постсекуляризацией, десубъективацией, психологизацией, пассаизмом, с одной стороны, и технооптимизмом, ресекуляризацией, ресубъективацией, депсихологизацией, футуризмом, с другой.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы

Проведенные историко-философские исследования вносят вклад в периодизацию немецкой мысли о технике и тем самым в проблематику периодизации историко-философского процесса в Германии в целом. В работе также проясняются проблемные моменты в немецкой интеллектуальной истории XX в., уточняется и обогащается понятие

«альтернативного модерна», приводятся различные варианты решения апорий цивилизации и культуры, техники и культуры, техники и природы, культуры и природы. Диссертация вводит в научный оборот целый ряд новых источников; благодаря этому, в частности, обнаруживается непреходящее значение как культуркритики, так и идей немецкого технократического движения для современной философии. Наконец, закладываются основания *метагерменевтического метода*, интегрального подхода, который задействует инструментарий философской герменевтики, философской антропологии, интеллектуальной истории и истории понятий. Применение этого подхода помогает лучше понять формы переживания исторической темпоральности в герменевтическом опыте интеллектуальных поколений в Германии XX в. и выстроить динамическую модель рефлексивного модерна с двумя базовыми парадигмами осмысления социокультурной реальности — компенсаторной и проактивной¹¹.

Полученные результаты могут использоваться в дальнейших исследованиях по истории современной западной философии и — шире — по современной интеллектуальной истории, а также в междисциплинарных исследованиях, проводимых на стыке истории

---

¹¹ К похожим результатам приходит О.А. Жукова, хотя и с других позиций. В своей недавней монографии московский философ (*Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: ООО «Издательство «Согласие», 2022*) предложила оригинальную интерпретационную модель динамики русской культуры как интеллектуальной истории, персонализируемой опытами религиозного, философского и художественного творчества. Эта динамическая модель светской культуры современного типа описывает три формы наследования традиций, каковые суть: консервация (регрессивный вектор архаизации и рутинизации), реформирование (радикальная трансформация и/или прямой запрет старых культурных практик, ценностей и идей) и творческая преемственность переосмысления традиции.

Если О.А. Жукова придерживается трехчастной схемы, то московский киновед Д.В. Захаров в диссертационном исследовании кандидата искусствоведения «Эволюция киновестерна в русле циклических процессов: 1980-е-2010-е годы» (ВГИК, 2018) на материале американского кинематографа доказывает эффективность схемы маятника. Автор отталкивается от теории цикличности американской истории Шлезингера мл., согласно которой «виток» каждого цикла составляют две «фазы» — «социальное беспокойство» и «социальная успокоенность». После каждого периода относительно активного участия в общественной жизни на первый план выходит частный интерес, выражено индивидуальная сторона человеческого существования, но затем национальная энергия восполняется и вновь прорывается наружу.

Во всяком случае, во избежание гегелевского схематизма, мы считаем необходимым всегда оговаривать локальный статус объяснительных моделей, вводить конкретные социокультурные параметры.

философии, интеллектуальной истории и социологии, что должно позволить разработать более широкое представление о гуманитарном знании в целом.

Результаты диссертации могут быть использованы при чтении учебных курсов по истории философии, философии техники, социальной философии, а также при разработке учебных программ по этим дисциплинам.

Апробация результатов исследования

Содержание и ключевые положения диссертации были полностью или частично представлены и апробированы в монографии «Маятник модерна. Дискуссии о технике в Германии» (М.: Академический проект, 2024), а также в 17 статьях, индексируемых в WoS, Scopus или опубликованных в изданиях, входящих в Списки журналов НИУ ВШЭ А, В, С или D, из них 10 статей в Q1–Q2 WoS, Scopus соотв. в изданиях, входящих в Списки журналов А и В. Всего по теме диссертации автором опубликовано 40 статей, в том числе 5 на английском и немецком языках в реферируемых зарубежных изданиях.

Основные положения диссертации в виде докладов были представлены на научных конференциях, в частности, на всероссийских конференциях с международным участием «III Гороховские чтения. Тренды цифровой трансформации: социогуманитарное измерение» в ИНИОН РАН (2024), «VII Лемовские чтения» (2024) в Самарском национальном исследовательском университете им. С.П. Королева, на конференциях с международным участием «Пятые Бибихинские чтения» (2024) и «Четвертые Бибихинские чтения» (2023) в г. Бежецке; на всероссийской конференции «Действие, труд, творчество» (2021) в Европейском университете (Санкт-Петербург); на международной конференции «Heidegger und die Philosophie der planetarischen Technik» (2019), организованной Обществом М. Хайдеггера в г. Месскирх (Баден-Вюртемберг, Германия); на X Международной конференции Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения» (2019); на международном симпозиуме «Technik und Medien bei den Brüdern Jünger» (2018), организованном Обществом братьев Юнгеров в мон. Хайлигкройцталь (Баден-Вюртемберг, Германия); на конференции «Человек между культурой и цивилизацией: „время“ и „судьба“. К столетию бестселлера XX в. „Закат Европы“ О. Шпенглера» (2018) в ИФРАН (Москва); на международном конгрессе «Границы нормы:

трансформация гуманизма в русской и европейской культуре Нового и Новейшего времени» (2018) в Государственном институте искусствознания (Москва); на международной междисциплинарной конференции «*INTERBELLUM: выигранная война и проигранный мир (1918–1938)*» (2018) в Центре фундаментальной социологии НИУ ВШЭ; на международных конференциях «*Философия и социология техники в XXI веке. Памяти В.Г. Горохова*» (2017), «*Мартин Хайдеггер и современная философия*» (2017) и «*Революции в современном мире: наука — культура — общество*» (2017), организованных философским факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова; на всероссийской конференции «*Философия в условиях социокультурного многообразия: от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров*» (2017) в СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов); на VII международной конференции «*Способы мысли, пути говорения*» (2016) на базе НИУ ВШЭ; на XXIV конференции с международным участием «*Универсум Платоновской мысли: „Платон и современность“*» (2016) в РХГА (Санкт-Петербург); на Второй международной научно-практической конференции «*Образ инженера XXI в.: социальная оценка техники и устойчивое развитие*» (2016), организованной в ПНИПУ (Пермь); на международной междисциплинарной конференции «*„На крайнем пределе веков“: Первая мировая война и культура*» (2014) в Государственном институте искусствознания (Москва); на XIV Юнгеровском симпозиуме (2013) в м. Хайлигкройцталь (Баден-Вюртемберг, Германия); на всероссийской конференции «*Философские проблемы научно-технического творчества*» (2013) в СПбГУ; на международной конференции «*Мартин Хайдеггер и философская традиция: повторение vs демонтаж*» (2012) на философском факультете МГУ; на международном коллоквиуме «*Aristote et son influence sur la culture philosophique à travers les siècles et jusqu'à nos jours*» (2012) в Университете Сорбонна Париж-IV и на XIV конференции «*Наука. Философия. Религия. Человек в техническом мире: вызовы XXI века*» (2011) в г. Дубне.

Концепция «маятникового модерна» была положена в основу методологии и апробирована в диссертационном исследовании кандидата философских наук И.И. Павлова «Влияние секулярных и антисекулярных аспектов „нового религиозного сознания“ на становление метафизики Н. А. Бердяева» (НИУ ВШЭ, 2021).

Структура диссертации

Диссертация состоит из Введения, восьми глав, Заключения, двух схематических приложений к основному тексту и Библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** традиционно обосновывается актуальность темы диссертации, определяются степень изученности проблемы, необходимость актуализации исследований в этой области и новизна данного диссертационного исследования; формулируются цели и задачи работы, анализируются возможности ее практического применения.

В главе **I. Маятниковый модерн** ставится проблема «другого модерна» в Германии в связи с рефлексией о неоднозначной роли техники в индустриальном обществе и вводится модель маятниковой системы модерна.

В параграфе **1. Между Просвещением и Контрпросвещением** показывается, что классическая дихотомия между Традицией и Современностью не выдерживает критики, а сам модерн может продуктивно осмысляться как процесс, несущий в себе прямо противоположные тенденции (т.наз. контрмодерн как часть модерна).

В параграфе **1.1. Модерное переживание времени** раскрывается смысл переживания времени в исторических условиях современности. Темпоральный характер модерна определяется как самоотрицанием или превознесением традиционных форм (пассеизм), так и открытостью вперед и активным созданием разных образов будущего (футуризм). По мнению Р. Козеллека, предварительным условием возникновения нового переживания времени (*Zeiterfahrung*) является именно «приспособление к эмпирическим данностям все более технизирующегося мира»¹².

В параграфе **1.2. Однолинейный модерн** приводятся семь пунктов классической теории модернизации в версии В. Кнёбля и аргументы против нее¹³. Делается

---

¹² Koselleck R. Geschichte, Geschichten und formale Zeitstrukturen // Koselleck R., Stempel W.-D. (Hrsg.). Geschichte — Ereignis und Erzählung. München: Fink, 1973. S. 221.

¹³ Knöbl W. Spielräume der Modernisierung. Das Ende der Eindeutigkeit. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2001.

предположение, что трудности, с которыми макросоциология сталкивается при описании картины модерна, обусловлены не столько сложностью самой картины, сколько настройкой исследовательской оптики (во-первых, часто ставится знак равенства между модернизацией и политической модернизацией; во-вторых, социологи при ее анализе руководствуются, как правило, веберовской проблематикой рационализации, выделенной из специфически западноевропейского контекста). Пример популярной, хотя и спорной теории «Кондратьевских волн» говорит о продуктивности перенастройки оптики с линейной на циклическую модель. Рассматриваются два варианта «третьего пути» (между теориями модернизации и мир-системной теорией Валлерстайна), первый из которых связан с идеей «множественных модернов», а второй вариант отталкивается от «теории компенсации» и предлагает развить ее как раз на эмпирическом материале дискурсов о «техническом модерне» в Германии. Именно он должен послужить основанием для маятниковой картины «альтернативного модерна».

В параграфе **1.3. Неклассические типы модерна** дается обзор теории «множественных модернов» Ш. Эйзенштадта, «антиэволюционистской программы» Й.П. Арнасона, «совпадающих современностей» П. Чаттерджи, критики классического модерна у А. Турена, наконец, теории «рефлексивного модерна» У. Бека и Э. Гидденса. Последняя ценна своим открытием «прерывистости» современности и способности побочных факторов в какой-то момент становится ключевыми и определяющими, однако она все же не выходит за пределы дихотомии между «простым модерном» и «высоким модерном», оставаясь гегелевской в своей сути.

Параграф **1.4. Германский Sonderweg?** ставит под вопрос распространенную у историков теорию «особого пути» модернизации в Германии. Параграф отталкивается от тезиса Б.В. Межуева о том, что современная эпоха представляет собой «диалектическое сочетание проектов Просвещения и Контрпросвещения, столкновение которых во многом и определяет динамику эпохи модерна»¹⁴. Этот вывод о сочетании двух проектов в рамках модерна представляется очень продуктивным и в отношении германского материала. Однако у Межуева не проблематизируется понятие «диалектики», ставшее популярным в

---

¹⁴ Более подробно эта мысль развивается в статье: *Межуев Б. В.* Проблема Контрпросвещения в политической философии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. 2022. № 3. С. 113–137.

контексте исследований модерна во Франкфуртской школе. М. Хоркхаймер и Т. Адорно в «Диалектике Просвещения» отстаивают тезис о том, что такие явления, как фашизм и антисемитизм, вытекают из возведенного в абсолют господства разума, безграничной власти «системы» над человеком, но с другой стороны, это означает и признание некоего разрушения Просвещения, его регрессии в мифологию. Этот тезис не выдерживает проверки историческими фактами. Предполагается, что критика инструментальной рациональности во Франкфуртской школе четко и однозначно вписывается в предложенную нами модель: как и современные ей работы из консервативного лагеря она вовлечена в компенсаторное колебание маятника модерна и тем самым оказывается интегративной частью послевоенного цивилизационно-критического дискурса. В завершение параграфа делается исторический экскурс в «авторитарную» эпоху Бисмарка и показывается, что в Германии мы наблюдаем не столько «запоздавшее» формирование нации, сколько типичные процессы складывания современных институтов государства и общества, которые проходили в условиях «футуристической версии Контрпросвещения».

В параграфе **2. Колебательная система модерна** строится модель маятникового модерна, полный цикл колебаний которой состоит из «компенсаторного колебания», которому соответствует технопессимистическая повестка и «проактивного колебания», которому соответствует технооптимистическая повестка.

Параграф **2.1. «Метафизическая» концепция модерна и возможность «другого начала»** утверждает, что «метафизическая» концепция модерна М. Хайдеггера является старшей сестрой социологических теорий однолинейного модерна. Однако значение Хайдеггера для критики современности определяется не только его теорией техники как завершения новоевропейской метафизики, но и постановкой вопроса о преодолении модерна из неметафизического мышления. С одной стороны, немецкий мыслитель не отходит от линейной схемы в представлении о модерне, начавшемся с открытия «*cogito*» и достигающем своего апогея в разнузданном торжестве распоряжающейся сущим наукотехники, однако с другой стороны, он признает дискретность исторического процесса в чередовании эпох или парадигм в «истории бытия».

Параграф **2.2. «Компенсаторная теория»** излагает либерально-консервативное видение модерна у представителей «школы Риттера» О. Маркварда и Х. Люббе, которое задает один из двух важных параметров («компенсаторный» параметр) колебательной

системы модерна. Представители «школы Риттера» описывают современные практики, компенсирующие негативные антропологические следствия «тахогенности» и задающие рамку для ориентации.

Параграф **2.3. «Другой модерн» и его историческая динамика** начинается с терминологических дистинкций, согласующихся с теорией компенсации. Под модернизацией на разных ее этапах предлагается понимать внедрение в общество артефактов современной жизни. Модерн (или в некоторых случаях модернизм) служит общим термином для обозначения политических и культурных процессов, возникающих с появлением в обществе новых идей, новых технологий, новой системы экономического устройства или образования. «Другой модерн» — это альтернативная модель развития, не отрицающая целерациональную организацию, необходимую для материального производства (т. е. как минимум не выдвигающая требование радикальной деиндустриализации), но стремящаяся восстановить более естественные и человеческие формы существования в современных условиях. Далее приводятся критерии модерности того или иного мировоззрения по Т. Рокремеру¹⁵ и предлагается разумное усложнение картины «другого модерна»: чередование периодов рационализма и иррационализма, секуляризации и десекуляризации, субъективации и десубъективации и т.д. предлагается объяснять чередованием компенсаторного колебания с его экологической повесткой и проактивного колебания с технократической повесткой героического преодоления критики техники.

В параграфе **2.4. Тезис «реакционного модернизма» и антитезис «другого модерна»** сначала излагается концепция «реакционного модернизма» Дж. Херфа и приводится ее критика; далее разбираются пять претензий к культуркритике и объясняется, почему они несостоятельны. Наконец, вслед за Рокремером выделяются три основных типа цивилизационной критики¹⁶ — 1) попытка поставить технику на службу буржуазному порядку посредством ее подчинения этическим принципам; 2) попытка примирить технику с природой путем развития естественных форм жизни; 3) попытка преодолеть существующие проблемы посредством усовершенствования техники. Предлагается корректировка этой схемы в связи с моделью маятника и схематическое соотнесение 1-го и

---

¹⁵ Rohkrämer T. Eine andere Moderne? S. 31.

¹⁶ Rohkrämer T. Eine andere Moderne? S. 32–36.

2-го типов цивилизационной критики с эпохой кайзеровского рейха и историческим периодом во время и после Второй мировой войны (компенсаторные колебания маятника), а 3-го типа цивилизационной критики техники, который в действительности оказывается героическим преодолением культуркритицизма — с периодом Веймарской республики и первых лет Третьего рейха (проактивное колебание маятника). В завершающей части показывается изменение семантических структур понятий «Technik» и «Natur» на переходе от раннего к позднему модерну и предполагается, что акцент на природе является собственно модерным компенсаторным феноменом, который берет начало еще в сентиментализме и романтизме, а затем внутри «философии жизни» интегрируется в научный дискурс модерна, чтобы реабилитировать и обосновать приемлемость идеала жизни «в гармонии с природой» для современных технизированных форм социальной жизни.

В главе II. Критика технической цивилизации и протоэкологическое мышление в вильгельмовскую эпоху, самой объемной главе диссертации, анализируется критика техники в культуркритических концепциях представителей двух интеллектуальных поколений в Германии до Первой мировой войны. Критика современного капитализма и феномена «механизации» рассматривается на примере трудов В. Зомбарта и В. Ратенау, а протоэкологическое мышление – на примере творчества Л. Клагеса и Т. Лессинга.

В подготовительном параграфе **1. Критика культуры qua критика техники** показывается, какое место в критике культуры (=критике цивилизации) занимает критика техники, конструируется идеальный тип критики техники, вычленяются ссылки на релевантные для эпохи тексты и выявляется ситуационная и поколенческая обусловленность критических оценок современной техники.

Параграфы **1.1. Движения в защиту природы** и **1.2. Духовно-исторический контекст культуркритики** посвящены, с одной стороны, реконструкции социокультурного фона культуркритики, образуемого многообразными молодежными и природоохранными движениями вильгельмовского периода, а с другой стороны, описанию культуркритического потенциала сочинений Ф. Ницше, который оказал формирующее воздействие на два интеллектуальных поколения в Германии начала XX в., стоящих под знаком «философии жизни».

Параграф **1.3. Критика рационализма, капитализма и технологий** приходит к выводу о том, что критика культуры (Kulturkritik) в соответствии с источниками до Первой мировой войны, т. е. до образования идеологической дихотомии между культурой и цивилизацией, должна быть приравнена к «критике цивилизации» (Zivilisationskritik) и может относиться только к состоянию или тенденциям культуры в отношении «совершенного и истинного образования, охватывающего все стороны внутреннего и внешнего человека». Соответственно, «критика техники» должна относиться к роли технологий в культуре и/или цивилизации, рассматриваемой в критическом аспекте. Показывается парадигмальный характер Ж.-Ж. Руссо и К. Маркса для немецкой культуркритики. Наконец, вводится рабочее определение культуркритики. *Культуркритика — это философская позиция, рассматривающая культуру как форму искажения, симуляции, отчуждения, дегенерации и деградации истинных способов бытия.* Критика культуры возникает как теория осмысления исторической ситуации, в которой оказалось европейское общество в начале XX в. Эпоха модерна и буржуазное капиталистическое общество с их стремлением к массовизации жизни вопреки установке на сохранение индивидуальности подтолкнули немецких мыслителей (от Зиммеля, Шелера, Клагеса, Шпенглера, Хайдеггера до представителей современного либерального консерватизма — О. Маркварда, Х. Люббе, Р. Шпеманна) писать о современной им культуре как о сугубо объективирующей силе, лишаящей человека субъектности и свободы, превращающей его из цели в средство. Критика культуры глубоко проникнута экзистенциальными вопросами, пытается понять, каково место человека в мире господства объективности, находящей свое наиболее яркое выражение в технике.

В параграфе **1.4. Идеальный тип критики техники** с опорой на М. Вебера и В. Клемса¹⁷ выделяется «идеальный тип общей критики техники», состоящий из пяти аргументативных компонентов: 1) идеи отчуждения труда посредством технологий; 2) идеи психологической и социокультурной деградации человека вследствие технологий; 3) представления о враждебности техники к жизни и природе; 4) идеи независимости техники от человеческой воли в сочетании с «принуждением автономной рациональности»;

---

¹⁷ Klems W. Die unbewältigte Moderne. Geschichte und Kontinuität der Technikkritik. Frankfurt am Main: Gesellschaft zur Förderung arbeitsorientierter Forschung und Bildung, 1988. S. 28 ff.

5) представления о контрпродуктивности техники и превращении ее в деструктивную для культуры силу.

Параграф **2. Критика техники перед Первой мировой войной** занимает в главе центральное место. **2.1. Критика техники у Карла Маркса и марксистская критика культуры** содержит обзор основных положений марксистской культурной критики, представленных в первом томе «Капитала». Параграф приходит к выводу, что марксистская критика направлена против соответствующей культурной ступени «капитализма», в рамках которого на счет современной промышленной техники записываются все негативные составляющие технико-критического стереотипа. Вместе с тем представление о диалектическом переходе к позитивной технике через захват власти рабочим классом в результате развития системных противоречий явным образом отличает Маркса от других критиков техники, а именно, марксизм демонстрирует систематическую тенденцию к превращению в социально-политическую техноутопию. Способом его преодоления у В. Зомбарта, которому посвящен параграф **2.2. В. Зомбарт и критика современного капитализма**, становится придание критике техники консервативного характера через анализ homo capitalisticus и исторических стилей техники. В начале параграфа выявляется общее у всех представителей раннего культуркритицизма от Зомбарта и Зиммеля до Шелера представление о технике как нейтральном и однозначном инструменте. Критика техники (Technikkritik) выступает у них как элемент общего историко-культурного анализа общества; при этом негативные последствия технизации объясняются переворачиванием отношения средство/цель (слуга/господин). Во втором издании «Современного капитализма» Зомбарт предлагает осмыслить технику не как «неизбежное зло», а как нейтральное средство, которое при должном отношении (этический контроль и управление) могло бы принести еще большую пользу во всех областях человеческого существования. Соответственно, «другой модерн» сводится у него к *компенсаторному интересу*, поскольку не отвергает индустриализацию как таковую, но указывает на требующие исправления дефекты развития позднекапиталистического общества. Парадигма осмысления техники начинается меняться у Зомбарта в годы Первой мировой войны. В частности, в памфлете «Торгаши и герои» появляются элементы героического преодоления критики техники. Спустя 20 лет Зомбарт, на тот момент ведущий автор «консервативной революции», идейный вдохновитель журнала «Die Tat», публикует книгу «Немецкий социализм», где

корректирует свою программу «другого модерна». Он пропагандирует консервативное государство с плановой экономикой и техникой, контролируемой в интересах общего блага. Это смещение от критики техники в форме критики капитализма к технократии вписывается в проактивное колебание маятника, репрезентируемое большинством протагонистов «консервативной революции».

В параграфе **2.3. Вальтер Ратенау и критика современной эпохи** предпринято первое на русском языке исследование цайткритических (от *Zeitkritik*) произведений немецкого промышленника, политика и эссеиста В. Ратенау. При этом в параграфе **2.3.1.** излагается анализ феномена «**Механизации**», представленный в книгах «О критике современной эпохи» и «О вещах грядущих», а в параграфе **2.3.2.** реконструируется **Дискурс о проблеме устойчивости в рамках модерна**, который был еще одной составляющей культуркритического дискурса помимо критики капитализма и рационализации. Вся ранняя философия жизни, культуры, моды, потребления, включая критику «плутократической» модели экономики, получает у Ратенау свой окончательный вид во всеобъемлющей социально-экономической и социокультурной концепции устойчивости, которая основывается на теореме «механизации». Решающий импульс здесь, очевидно, дала дискуссии о модернизации рубежа веков, которую определили работы представителей одного и того же интеллектуального поколения, родившегося до основания Германского рейха («Философия денег» Зиммеля, «Современный капитализм» Зомбарта, «Протестантская этика и дух капитализма» Вебера и «Критика современной эпохи» самого Ратенау). Согласно диагнозу Ратенау, в ходе процессов отчуждения и массовизации, сопровождаемых новыми формами организации, происходит кризис буржуазного общества как целого. В то же время внутри буржуазного общества наблюдается *эмансипация определенного слоя людей*, который Ратенау называет «*die Interessenten*». И как раз здесь обнаруживается амбивалентное отношение автора к массе в эпоху механизации — тот момент, когда Ратенау начинает включать в свой культуркритический дискурс все больше технократических элементов. А именно, в 1917 г. он замечает, что механизацию сопровождает «духовная революция», под которой понимается процесс интеллектуализации, аналогичный росту производительных сил, только ведущий к расширению умственных способностей. Интеллект этих новых людей, будучи интеллектом «низшего порядка», тем не менее отличается «остротой, целеустремленностью,

многозадачностью и мобилизованностью». Он уступает интеллекту прежнего господствующего слоя тем, что направлен исключительно на мир чувственных явлений. *Ратенау еще не называет этот тип человека техником (Techniker), но фактически предвосхищает его появление.* Это влечет за собой среди прочего ослабление «душевных сил» в трех отношениях: утрачиваются 1) ценностные критерии поступков, 2) творческие и художественные способности, 3) религиозное чувство абсолютного. По аналогии с тенденцией капиталистической конкуренции к захвату рынков здесь допустимо вести речь о своеобразной колонизации внутренних регионов человеческого бытия. Таким образом, во время Первой мировой войны взгляды Ратенау претерпевают похожее изменение, что и взгляды Зомбарта. Построение централизованно управляемой экономики с максимальным участием государства в бизнесе Ратенау считает уже не просто специальной мерой военного времени, но и началом фундаментальных изменений, призванных низвергнуть «тех богов, которым поклонялся мир до августа 1914 года».

В параграфах **2.4. Людвиг Клагес: человек и Земля** и **2.5. Теодор Лессинг: техническая культура и витальная антикультура** рассматриваются общие для двух представителей следующего философского поколения энвайронменалистские тенденции. Они разделяют социально-культурную диагностику Ницше и разрабатывают типичную для философии жизни дихотомию культуры и жизни. У этих авторов культуркритический дискурс также обогащается философско-исторической оптикой. **Клагес** считает причиной катастрофических явлений кризиса современности не столько наследие иудеохристианства, сколько противоборство Духа и Души, интеллекта и жизни. Человечество, с точки зрения Клагеса, подошло к своему апокалиптическому финалу, которому предшествовала постепенная, длившаяся более двух тысячелетий деградация. История как таковая мыслится им как настойчивое обращение к силам Духа, противостоящего Душе; в преддверии заката мир может ждать спасения только со стороны Души, при условии ее освобождения от пут Духа. Он противопоставляет современную эпоху «прогресса» традиционной культуре, внутри которой «творения человека» еще находились в симбиозе с природой. Техническая цивилизация современности разрывает «связь между творениями человека и Землей», уничтожает богатые исторические и природные ландшафты. **Лессинг** также противопоставляет историческому оптимизму свой проект волюнтаристской философии истории. Он находит универсальное объяснение всех вызванных научно-

техническим прогрессом несчастий в «гоминистско-эволюционистском» мировоззрении двух христианских тысячелетий. Идеологическому образу истории как безоглядного движения европейского человечества к своей утопической цели противопоставляется альтернативная картина процесса, нарисованная как бы из перспективы других видов, населяющих Землю – растений, животных, цветных народов. В основе пессимистического диагноза эпохи у Лессинга (как позднее у Хайдеггера) лежит базовая ницшеанская интуиция: лишь завершение, доведение нигилизма до его последнего предела позволит осуществить его преодоление (*Verwindung*), а значит, Европа должна погибнуть от Духа, чтобы возникли новые жизненные формы. Параграф заканчивается выводом о том, что типологизация культуркритического дискурса в немецкой интеллектуальной истории позволяет наблюдать воспроизводство основных его элементов через определенный интервал времени (в данном случае приблизительно через 20 лет доминирования технократической парадигмы в 1920–1930-е гг.).

Глава **III. Героическое преодоление критики техники в Веймарской республике** описывает обратное движение маятника модерна, которое связано со сменой вектора интеллектуального процесса и определяется захваченностью событием Первой мировой войны, формирующим условия для герменевтического опыта и задающим горизонт жизненного мира одновременно для нескольких интеллектуальных поколений.

В рамках параграфа **1. «Кризисное сознание» и «стабилизационное сознание»?** теория «другого модерна», рассматриваемая в данном исследовании на примере дискуссий о технике, сопоставляется с видением амбивалентности модерна у Ю.Н. Давыдова, который предложил типологизацию, основанную на различении «кризисного» и «стабилизационного сознания» в социологии. Кризисное и стабилизационное сознания рассматриваются как «два полюса» современной социальной ситуации и сопровождающего ее социального сознания¹⁸. Ответом на переживание кризиса являются серьезные попытки восстановления «социальной и психологической стабильности». Это различие нельзя признать теоретически удачным. Во-первых, тяготение «кризисного сознания» к иррационализму есть не что иное, как иллюзия. Если считать культуркритику выражением кризисного сознания, то ей свойственна скорее *тенденция к пересмотру новоевропейского*

---

¹⁸ См.: Давыдов Ю. Н. Стабилизационное сознание в век кризиса: его основополагающие категории. С. 5.

понятия культуры, включая проблему соотношения разума и веры, субъект-объектной оппозиции и т. д. Задача восстановления поврежденного образа разума и человека вписывается таким образом в широкие границы традиционной европейской модели рациональности. Во-вторых, «иррационалистическое» противопоставление «души» и «духа», реабилитация религиозного сознания, отождествление техники и капитализма и требование примириться с природой, – все это в той же степени являются признаками кризисного сознания, сколь и выражением компенсаторной потребности переживающего кризис сознания. В-третьих, «стабилизационное сознание» невозможно свети к вере в разум, к той или иной форме рационализма или сциентизма. Ряд реакционно-модернистских проектов, открыто встающих в оппозицию Просвещению и Прогрессу, делают парадигму «стабилизационного сознания» слишком рыхлой и лишают ее когнитивной ценности. Противоречия, связанные с различием «кризисного» и «стабилизационного» сознания, устраняются в рамках модели маятникового модерна. За протоэкологическим трендом наступает технократический, от экстенсивного использования окружающей среды совершается переход к ее интенсивному использованию, за обвинениями техники в механизации духа следует требование освободить технику от капитализма, культурная критика сменяется ее героическим преодолением.

Параграф **2. Проактивный модернизм** описывает поворот от технопессимизма к технооптимизму на примере философии техники О. Шпенглера, Х. Фрайера и Э. Юнгера и акцентирует внимание на консервативно-революционных стратегиях в отношении технической модернизации у ярких представителей двух новых интеллектуальных поколений, водоразделом между которыми может служить «год трех кайзеров».

Параграф **2.1. Освальд Шпенглер: техника как «тактика жизни»** ставит под сомнение упрощенный взгляд на Шпенглера как сторонника «культуры» и противника «цивилизации». С точки зрения «морфологии культуры», даже разрушающие культуру силы разума сами по себе остаются отражениями прасимвола (Ursymbol) культуры и продолжают реализовывать базовый культурный императив. По этой причине сочинение «Человек и техника» (1931), которое является частью более масштабной, но неопубликованной при жизни работы «Первопросы», достигает своей кульминации в вопросе о будущем и завершении фаустовской цивилизации. Шпенглер считает, что жизнь рождается из метафизического «пламени», а технический огонь Прометея – это не что иное

как исток культуры, всей истории человечества. В технике заключается «величие и проклятие» человека, который отваживается на «бунт Прометея», акт неповиновения и освобождения из-под ярма собственной видовой природы. Свобода идет рука об руку с творчеством, то есть созданием своей «тактики жизни». «Культура» и «техника» впоследствии получают своих исполнителей — предприятия, организации, государства. Эти объединения людей будут обеспечивать реализацию «техники» и становление «культуры» вплоть до пресловутого превращения в «цивилизацию». Выводы параграфа согласуются с выводами Г. Свера, который также считает, что «для Шпенглера реальная проблема технологической цивилизации заключается в ее отчуждении от собственной техники»¹⁹. Культурфилософия Шпенглера достигает своего апогея в апологии техники и присягает на верность «другому модерну». «Фаустовский человек» периода цивилизации возвращается к своей первоначальной миссии – сделаться господином земли и овладеть силами природы, вновь демонстрируя свой властный инстинкт, правда, уже на уровне инженерного творчества.

Параграф **2.2. Эрнст Юнгер о технической революции** состоит из трех подпараграфов, что объясняется значением Э. Юнгера как одной из центральных фигур настоящего исследования, позволяющей продемонстрировать зависимость эволюции творчества философа от смены парадигмы в осмыслении технического модерна. В частности, подпараграф **2.2.1. Проактивный модернизм «Рабочего»** рассматривает поворотный узел технократического разворота после Первой мировой войны – «героико-реалистический» манифест Э. Юнгера «Рабочий» (1932). В названии параграфа содержится имплицитная полемика не столько с концепцией «реакционного модернизма», сколько с самой идеей «ре-акции», означающей действие, направленное вспять. «Про-активный» характер юнгеровского Рабочего, напротив, выражается в деятельном процессе оформления мира работы, в ходе которого люди целеустремленные и волевые должны восторжествовать над пассивной массой. По мере того, как они будут проявлять решительность и добиваться своих целей, они реализуют свое видение функционального общества — но именно при условии творческого овладения техникой в планетарном

---

¹⁹ Swer G. The Revolt against Reason: Oswald Spengler and Violence as Cultural Preservative // The Philosophical Journal of Conflict and Violence. Vol. III, Issue 2/2019. P. 132.

масштабе. Героико-реалистическая установка означает готовность нового антропологического типа в описании Юнгера принять реальность будущего мира постольку, поскольку в этом Arbeitswelt доминирует принцип функциональности, а все события в нем — как человеческие, так и нечеловеческие — интерпретируются как *акт работы*. Технику Юнгер определяет как «тотальную мобилизацию» мира, осуществляемую гештальтом Рабочего. Сам Юнгер ссылаясь на ницшевскую фигуру «активного нигилиста», а Хайдеггер одним из первых усмотрел в идее «тотальной мобилизации» своеобразный извод «воли к власти». Человек, поставивший себя на службу анонимной «работе», т. е. подчинивший себя велению техники, находится внутри нигилистического «ландшафта мастерской» и приветствует гибель старого бюргерского мира. В рамках подпараграфа **2.2.2. Свобода техники** осуществляется реконструкция метафизики «Рабочего», в свете которой дается интерпретация идеи свободы в Спинозистском ключе как «познанной необходимости». Свобода связана с «репрезентацией» гештальта Рабочего и совершенным освоением языка техники внутри мира работы. Помимо позитивной свободы, говорящей «Да» технической революции, здесь обнаруживается вторая стадия свободы, которая мыслится как обретение *собственного*. В той мере, в какой единичный человек узнает себя в типе Рабочего, он одновременно находит в технике *свой собственный язык*. Привычное использование современных технологий означает, что человек приспосабливается к характеру той власти, которая скрыта за техническими символами. Соответствующий им новый язык — уже не «нейтральное средство общения», а «новый язык приказов». Подпараграф **2.2.3. Медийная мобилизация** показывает характер и степень овладения техническим языком на примере использования средств современной фотографии и кинематографа. Юнгеровская теория медиа сопоставляется со взглядами левых теоретиков З. Кракауэра и В. Беньямина, которые к тому же представляют одно и то же интеллектуальное поколение.

В заключительном параграфе главы **2.3. Ханс Фрайер: техника как оружие революционного народа** излагается радикально-консервативная философия техники, которая сознательно преодолевает *культурпессимистическое* отношение к технике. В своей программной статье «К философии техники» (1929) Ханс Фрайер подчеркивает «всемирно-историческое значение современной техники». Оно отличается от культурфилософского структурного понимания, сторонники которого стремятся рассматривать технику как

ценностно-нейтральную систему средств на службе других культурных ценностей. Еще одним объектом критики здесь выступает теория «жизненных форм» Э. Шпрангера, в ряду которых не находится места для чрезвычайно типичной для современности фигуры техника. По мнению Фрайера, не философия и критика культуры, но лишь *политико-социологический подход* к технике способен увидеть в ней определяющую силу современной индустриальной эпохи. Его интересует *место техники в системе культуры общества, а также ее планомерное применение в политической организации господства*. Коль скоро сам выбор средств определяется культурой, то развитие техники — это не произвольное изобретение новых инструментов, а объективация ценностного отношения и целей конкретного общества. В «Революции справа» (1931) техника осмысливается как *средство политической власти*. Политика предшествует технике, поскольку план, на который ориентируется техника, предполагает господство. Таким образом, как концепция Юнгера, так и концепция Фрайера представляют собой скорректированную в национал-революционном ключе технократическую идею. Политический успех и процветание народа зависят от овладения техникой, а последнее в свою очередь зависит от того, в какой степени распоряжающиеся ею индивидуумы и общности будут репрезентировать «гештальт Рабочего», или же от того, в какой степени «революционный народ» осознает свои истинные потребности.

Немецкому технократическому движению, которое в идеологическом отношении отличалось от национал-революционных концепций интернационализмом и пафицизмом, а также весомому вкладу его представителей в философию техники посвящена **глава IV. Капиталистический и технический человек**, в которой впервые в отечественной и международной литературе рассматриваются в единой связи четыре ключевых текста, задающих поле дискуссии о технократии в годы Веймарской республики – «Философия техники» (1927) Ф. Дессауэра, «Капиталистический и технический человек» (1932) Х. Харденсетта, «Техника и капитализм» (1932) М. Хольцера и «Философия техники» (1934) М. Шрётера.

Параграф 1. Немецкая технократия в 1920-е и 1930-е годы и ее отношение к философии занимается реконструкцией философского и духовно-исторического контекста, в котором формировалось Немецкое технократическое движение.

В параграфе **1.1. «Символ веры» фронтового поколения** приводятся свидетельства того, что тексты Э. Юнгера о технике имели парадигмальный характер не только для национал-революционных кругов, но на них ориентировались и представители технократического движения в Германии, относившиеся к одному и тому же фронтовому поколению. Осознание Юнгером новой значимости техники и технического человека было в высшей степени репрезентативным для групп философствующих инженеров Веймарской республики. С пониманием техники как «тотальной мобилизации» и модуса гештальта Рабочего связывается идея нового антропологического типа, который осмысляется как новая «жизненная форма техника».

Параграф **1.2 Немецкое технократическое движение** сопоставляет американскую technocracy и немецкое Technokratiebewegung на основании исследований Ш. Виллеке, А. Бамме и В.Г. Горохова. Отличительной чертой «технократического движения» в Германии можно считать его социальный импульс. Технократия *au sens propre* рассматривает автономное самодвижение и самосовершенствование техники как принципиально положительный процесс, тормозимый, однако, капиталистическими интересами. Несмотря на аналогичные тенденции в Советской России, протест отдельных инженеров против капиталистических отношений господства отличался от идей марксистского социализма. Будущих «повелителей техники» технократическое движение усматривает не в пролетариате, а в сословии инженеров. Немецкие технократы не только сознательно дистанцировались от американских «technocrats», но и старались подать технократию как оригинальное изобретение немецкого духа. Они подчеркивали, что хотят не господства техников в политическом смысле, а *овладения техниками техникой* (*Beherrschung der Technik durch den Techniker*), т. е. надеются выстроить экономическую систему, которая соответствовала бы творческому и гуманистическому духу технического прогресса и служила бы достижению высшей (этической) цели. Важную роль в технократической дискуссии сыграли Имперский союз германской техники (*Reichsbund Deutscher Technik*) и его печатный орган, журнал «*Technik voran*», а также Ассоциация немецких дипл. инженеров (*Verband deutscher Diplomingeniere*) и его печатный орган «*Technik und Kultur*».

Параграф **1.3. Философия «Жизненных форм» Эдуарда Шпрангера и ее значение для технократического дискурса** впервые акцентирует внимание на значении теории жизненных форм ведущего берлинского философа межвоенной эпохи Э. Шпрангера для

социально-философской и инженерно-философской мысли. Так, все сочинения философствующих инженеров были крепко объединены одной общей программой по изучению техники как культурного фактора, которая предполагала рассмотрение философии техники как части философии культуры.

Параграф **2. Жизненная форма «техника» в системе культуры** показывает, как осмыслялась фигура инженера внутри структурной схемы идеальных типов, близкой к шпрангеровской, прописываются «чистые типы» «технического» и «капиталистического человека» и соответствующие им образы техники («техническое творчество» vs «индустриализм», «маммонизм»). Также приводятся определения техники, имеющие до сих пор большое значение для инженерной философии техники в ФРГ.

В параграфе **2.1. «Философия техники» Фридриха Дессауэра** рассматриваются главным образом две ранние работы Дессауэра о технике – «Философия техники» (1927) и «Освобождение техники» (1931, в соавторстве с К.А. Майссингером), развивающие концепцию техники как «продолжения Божественного творения» (*Weiterschöpfung*) и теорию «четвертого царства» (*das vierte Reich*). В основе «сущностного определения техники», к которому Дессауэр пришел в своем финальном труде «Спор о технике» (1956) и которое подытоживает его ранние определения, лежит понимание техники как «реального бытия из идей, [прошедшего] через финальное оформление и обработку из природных составляющих (*Bestände*)». Определение из «Философии техники» отличается тем, что в его центре находится героическая фигура «технического человека», которая закономерным образом размывается в послевоенном периоде творчества: «Технический человек воплощает потенциальное бытие пред-данных форм (*Gestalten*) в актуальную действительность эмпирического мира». Ближайшая цель изобретателей и проектировщиков — создание технического объекта, артефакта, соответствующего своему назначению (*Zweck*), за которой кроется высшая цель в виде общего блага. Как христианский технократический платоник и платонический технократ Дессауэр принимает утопический идеал «актуализации августирианской идеи *Civitas Dei* посредством техники».

Параграф **2.2. Хайнрих Харденсетт. «Технический человек» vs. «капиталистический человек»** впервые в русскоязычной литературе анализирует единственную опубликованную при жизни книгу – диссертацию лидера немецкого технократического движения (1932), а также обращается к изданному А. Бамме из наследия

Харденсетта манускрипту «Философия техники» (1936), на основании которого реконструируется дискуссия с «Рабочим» Э. Юнгера. Техника определяется как «культурная сфера производства вещей: проектирование, планирование, организация, упорядочивание, исполнение, руководство и контроль над процессом оформления изделий из природных материалов, форм и энергий». Харденсетт парадоксальным образом противопоставляет иррациональному типу капиталистического человека техника как «рационалиста по мировоззрению». «Развитым техническим типом» в смысле теории идеальных типов Харденсетт называет «инженера» и выдвигает требование изменить программу подготовки инженеров, дополнив одностороннее техническое образование гуманитарным образованием. Не разделяя «милитаризма» и «функционализма» Юнгера, он соглашается с его возражениями относительно идеи ценностной нейтральности техники, а также интерпретирует гештальт Рабочего как совершенный тип технического человека, от которого происходит весь предметный мир техники.

В параграфе **2.3. «Философия техники» Манфреда Шрётера** излагается систематическая философия техники М. Шрётера, поклонника О. Шпенглера и соавтора А. Боймлера. Он ставит задачу систематического анализа и определения места техники как творческой деятельности в тотальности культуры. С точки зрения Шрётера, техника не должна пониматься ни как прикладная естественная наука, ни как частичная область применения экономики, но как «особое царство» между наукой и экономикой. Культурная ценность техники заключается не только в трансформации свободной человеческой воли во внешнюю действительность, но и в высвобождении «культурных сил». Технократическая идея Шрётера находит свое завершение в близком к Фрайеру представлении о социально-этической миссии «техников»: они призваны содействовать образованию народной целостности и реализации идеи национальной общности внутри «культурного государства».

В последнем параграфе главы **2.4. Мартин Хольцер: техника и капитализм** анализируется одноименная книга экономиста Й. Бадера (псевд. Хольцер), о котором не существует никакой исследовательской литературы, кроме пары страниц в исследовании Дж. Херфа «Реакционный модернизм». И тем не менее это важный автор, который продолжал критику современного капитализма и развивал младоконсервативные идеи Зомбарта, Мёллера ван ден Брука и Шпенглера в технократическом ключе. Хольцер

движется в одном дискуссионном поле с Э. Юнгером, К. Шмиттом и Х. Харденсеттом. Он также отвергает идею ценностной нейтральности техники и на ряде экономических примеров доказывает, что именно использование техники, а не потребности населения, было движущей силой индустриализации. На определенном этапе развития связи «техника–индустриализм» техника перестает быть инструментарием для достижения заданных целей, и сама начинает производить чистые потенции, которые можно использовать в самых разных целях, в том числе для создания новых потребностей и дальнейшего извлечения прибыли из удовлетворения потребителя. Техника в паре с индустриализмом несет в себе угрозу не только обществу, но и окружающей среде. Условием изменения сложившегося порядка вещей является изменение отношения к технике как нейтральному средству и отношения к инженерам как техницистам на службе частного капитала. Хольцер предлагает программу «трансформации техники» и требует включенности в рабочую программу переустройства народа и государства, «которая будет ориентироваться на ценности жизненного пространства, жизненных благ и жизненной формы». Образ «национальной и ответственной техники» предвосхищает энвайронменталистский тренд, о котором пойдет речь в следующих двух главах исследования.

В публикациях и исследовательской литературе на русском языке, посвященных изучению национал-социалистической идеологии, не уделяется внимания такому ее компоненту, как «немецкая техника». Этот пробел восполняет глава **V. Инженеры, интеллектуалы и государство. Дискурсы о технике и природе в Третьем рейхе**, освещающая спорный и неоднозначный период в немецкой интеллектуальной истории, в котором было место как технократизму, так и «аграрному романтизму».

Параграф **1. Амбивалентность модерна и национал-социализм** начинается с обзора первого выпуска журнала «Deutsche Technik» (сентябрь 1933), который выходил под редакцией Г. Федера и являлся официальным печатным органом Главного технического управления имперского руководства NSDAP и имперской администрации Национал-социалистического союза немецких техников (Nationalsozialistischer Bund deutscher Techniker, NSBDT). Отправной точкой для анализа вопроса об отношении национал-

социализма к современным технологиям служит тезис Херфа²⁰ о том, что национал-социалисты переняли основные положения «реакционно-модернистской» мысли и тем самым предприняли попытку интегрировать инженеров в народное сообщество. Вместе с тем подвергается сомнению мнение исследователя о том, что «иррациональные элементы» реакционного модернизма оказывали якобы сдерживающее воздействие на технический прогресс Германии во время Второй мировой войны. Опровержение этого мнения предполагает подвешивание некритического убеждения в том, что национал-социализм представляет собой целостную систему взглядов («distinctive National Socialist view of technology»). Критика Т. Рокремера²¹ в адрес Херфа (попытка свести национал-социализм к некой единой традиции «реакционного модернизма» неудачна и неубедительна) получает дополнительные аргументы: национал-социализм был не только эклектичен и опирался на множество различных традиций, но и отвечал на колебания социокультурной повестки, постепенно уходящей от технократизма и утопизма. Так, в параграфе показывается, что 1) оригинальные взгляды национал-социалистических идеологов на технику неразрывно связаны не только со взглядами на технику праворадикальных теоретиков, но и с технократической мыслью Веймарской республики в целом и 2) должны быть хронологически ограничены только первой декадой Третьего рейха. Отмеченные сходства и различия говорят не столько о каком-то влиянии и преемстве взглядов, сколько о различных идеологических преломлениях одной и той же установки на одобрение инструментального разума и технологий, которые годятся для достижения множества различных целей, не всегда гуманных и просвещенных. В последние годы существования гитлеровского государства технократические идеи национал-социалистических think-tanks стремятся к нулю, а на их место приходит прагматизм развязавших Вторую мировую войну политиков.

Центральное место в главе занимает параграф **2. Национал-социалистическая техноидеология до 1942 года**, рассматривающий два направления технократической идеологии, связанных с именами инженеров и интеллектуалов Г. Федерера и Ф. Тодта. Левый национал-социалист Федерер разработал программу «фёлькиш»-технократии, в которой

²⁰ *Herf J.* Reactionary Modernism. Ch. 8 «Reactionary modernism in the Third Reich». P. 189–216.

²¹ *Rohkrämer T.* Antimodernism, Reactionary Modernism, and National Socialism. P. 45–47.

политически преданные инженеры должны были контролировать процесс радикальной промышленной децентрализации германского общества за счет современных технологий. С уходом Федера антикапиталистические проекты трансформации немецкого общества оказываются под подозрением; остается только идеологический акцент на «духовной революции». При Ф. Тодте «народная технократия превращается в нацистскую технику»²². По мнению Тодта, реализация подлинного «народного сообщества» случится тогда, когда инженер встанет в один ряд с крестьянином и солдатом, а германская общественность признает важность современных технологий для своего благосостояния. Инженеры должны стать не просто узкими техническими специалистами, но образованными «технополитиками», чьи «личные качества», усиленные технополитической подготовкой, приведут к повышению эффективности при выполнении задач фюрера. Ф. Тодт определил два важных элемента национал-социалистической техноидеологии: 1) стремление к гармонии человека, природы и техники и 2) стремление к объединению технологий и искусства. Обе эти идеи отражают коллективистский импульс идеологии национал-социалистов, направленный на интеграцию всех частей общества в народное сообщество — сообщество, находящееся в согласии со своим естественным окружением. Смерть Тодта в начале 1942 г. одновременно стала важным водоразделом в приверженности режима национал-социалистической техноидеологии и ознаменовала конец технократических тенденций в немецком обществе.

Параграф 3. **Начала энвайронментализма в Третьем рейхе**, как и предыдущий параграф, отражает отказ от тенденциозных установок в историографии этого периода немецкой истории и рассеивает представление о том, что существует четкий, черно-белый подход к консервативным трендам эпохи национал-социализма. Отталкиваясь от коллективной монографии «Насколько зелеными были нацисты» под ред. Ф.-Й. Брюггемайера, М. Чиока и Т. Целлера, параграф предлагает обзор идеологических программ в области экологической политики (сочетание «коричневого» и «зеленого») и указывает на наличие в политике и идеологии Третьего рейха иных программ и мер, не вписывающихся в парадигму проактивного модернизма.

---

²² Guse J. C. Nazi technical thought revisited. P. 9.

Масштабному возвращению культуркритической и энвайронменталистской повестки в немецкой интеллектуальной истории 1930-х – 1950-х годов посвящена глава **VI. Возвращение к критике техники в годы Третьего рейха и в ранней Федеративной Республике**. В ней рассматриваются главные работы о технике М. Хайдеггера и Ф.Г. Юнгера, которые наилучшим образом репрезентируют компенсаторную парадигму «другого модерна».

Параграф **1. Мартин Хайдеггер: от «echte Technik» к «Machenschaft»** демонстрирует преемственность и разрывы в хайдеггеровской мысли о технике с начала 1930-х до 1950-х годов и состоит из четырех подпараграфов. Первый из них **1.1. Культуркритическая парадигма Хайдеггера** отталкивается от актуальной работы Д. Майера²³, но предлагает перенести центр тяжести исследования культуркритики Хайдеггера на период после 1932 года и связать ее с оценкой техники. Тридцатые годы в творчестве Хайдеггера — это не только время знаменитого «поворота»: от Dasein к Sein, от «Бытия и времени» к лекциям о Гёльдерлине и Ницше, но и перемены ума в отношении технического модерна: от интуиции некой «подлинной техники» к развенчанию технократического императива «Machenschaft». Анализ продолжается в подпараграфе **1.2. Отношение между τέχνη и φύσις. «Подлинная техника»**, где рассматривается понятие Хайдеггера о «подлинной технике» из речей ректорского периода в свете его интерпретации аристотелевского различия physis и techne. Бытийно-историческая разработка темы техники у Хайдеггера была сопряжена с разработкой темы природы, в то время как рассмотренные выше völkisch-концепции технократов от национал-социализма также неизбежно сталкивались с практическими трудностями, вытекавшими из апории техники и природы. Высказанная Хайдеггером идея «подлинной техники», стоящей в одном ряду с такими «бытийными силами», как природа, государство и экономика и определяющей судьбу немецкого народа, чрезвычайно близка проектам «народной технократии», пропагандировавшим органично-гармоничное слияние человека, техники и природы. В то же время отмечаются энвайронменталистские симпатии фрайбургского философа, которые готовят почву для развернутой критики техники уже начиная со второй

---

²³ Meyer D. Kulturkritische Aspekte bei Martin Heidegger, 1918–1932 // Jahrbuch zur Kultur und Literatur der Weimarer Republik. Bd. 15. 2011/12. Hrsg. v. S. Becker in Zusammenarbeit mit R. Krause, R. Marx. München: Ed. text+kritik, 2013. S. 47–69.

половины 1930-х годов. Так, сложное отношение между *techne* и *physis*, выстраиваемое в трактате «О существе и понятии φύσις» (1939), образует исходную точку поздней теории техники Хайдеггера, определяющей сущность техники как «Ge-stell». Осмыслению техники как нигилистического завершения метафизики способствовало чтение «Рабочего» Э. Юнгера (**1.3. Хайдеггер читает «Рабочего»**), влияние которого на Хайдеггера всесторонне освещалось еще в нашей кандидатской диссертации (2002). На серьезную новизну претендует, однако, последний подпараграф **1.4. Двуликий Янус техники**. Онтологическое сближение *techne* и *physis* приводит к тому, что мысль об амбивалентности техники как *опасности и источника спасения* (*Wo aber Gefahr ist, wächst / Das Rettende auch*) стала фирменным знаком философии позднего Хайдеггера и залогом будущей открытости навстречу энвайронменталистскому дискурсу. Связь между мыслью Хайдеггера и радикальным энвайронментализмом является предметом дискуссий в западной литературе с первой половины 1980-х годов. В параграфе проводится размежевание с интерпретацией Хайдеггера как «глубокого эколога» у М. Циммермана²⁴, согласующееся с недавними возражениями В. Блока²⁵. Последний использует для интерпретации хайдеггеровской концепции технической эпохи «теорию аффордансов» Гибсона (за вызовом современного человечества в отношении природы следует «ответ» в виде аффорданса со стороны природы; в этом свете разрешается и мнимое противоречие между призывом Хайдеггера к «другому началу» и признанием невозможности выскочить из процесса «поставляюще-предоставляющего раскрытия непотаенности»). Тем не менее это сближение концепций «другого начала» и «аффордансов природы» плохо согласуется с уклоном Хайдеггера в неприкрытый антитехницизм в 1950–1960-е годы, который делает ставку на мусическое начало и подготовку к приходу «последнего бога». В конце параграфа фиксируются основные позиции хайдеггеровской критики современной эпохи (*Zeitkritik*) / критики техники (*Technikkritik*) («Время картины мира» и «Вопрос о технике») и встраиваются в

---

²⁴ *Zimmerman M.* Toward a Heideggerian Ethos for Radical Environmentalism // *Environmental Ethics*, 1983, vol. 5, no. 2. P. 99–131; *idem.* Rethinking the Heidegger-Deep Ecology Relationship // *Environmental Ethics*, 1993, vol. 15, no. 3. P. 195–224.

²⁵ *Blok V.* Reconnecting with Nature in the Age of Technology. The Heidegger and Radical Environmentalism Debate Revisited // *Environmental Philosophy*. 11 (2). January 2014. P. 307–332.

культуркритический дискурс, активно возобновляющийся в Германии после Второй мировой войны.

Параграф **2. Фридрих Георг Юнгер: от воина к пастуху** на примере творчества младшего брата Э. Юнгера и единомышленника М. Хайдеггера показывает, как смена социокультурных парадигм определяет эволюцию взглядов на технику от революционно-технооптимистических к консервационистским. При этом мы констатируем, что на фоне смены мировоззренческой установки сохраняются оригинальные интуиции и последовательно развивается мысль об **2.1. Автономии и демонизме техники**. Это представление далее сопоставляется с демонизацией техники у Ясперса и отграничивается от онтологического подхода Хайдеггера. Промежуточный итог: в немецкой интеллектуальной традиции социально-философского осмысления техники именно в «Совершенстве техники» Ф. Г. Юнгера машина впервые рассматривается не как инструмент воли какого-то субъекта (класса, инженеров или нации), но как порядок *suī generis*. Она сама становится субъектом — совершенной системой средств, безжизненным автоматом, вступающим в неразрешимое противоречие с человеческой свободой. Завершающий главу подпараграф **2.2. «Совершенство техники» и «Зеленые»** выделяется актуальными и новаторскими выводами относительно преемственности между «зеленым» дискурсом ФРГ (Х. Груль, М. Марен-Гризбах) и послевоенной консервативной мыслью, которая первой начала «отрабатывать» экологическую повестку в 1940-е гг. и вновь вернулась к критике техники в 1970-е гг. (напр., журнал «Scheidewege»).

Глава **VII. Миф, история и техника в позднем творчестве Э. Юнгера**, состоит из двух параграфов **1. Геоисторический поворот** и **2. Свобода внутри технического мира**. В **первом** анализируются изменения в послевоенном культуркритическом дискурсе на примере и материале непереведенного на русский язык большого эссе Юнгера «У стены времени» (1959). Юнгер вводит постисторическую перспективу и описывает настоящий «эон» как цезуру, или «интерим», в котором вырисовываются контуры нового. Он убежден, что новое «обращение бытия» (*Zuwendung des Seins*) или зов «другого начала» (по Хайдеггеру) можно расслышать в поэзии и иных альтернативных научному способах постижения мира. Конец истории и начало «нового большого временного промежутка» (*Zeitgrossraum*) распознаются по симптомам, которые уже не встраиваются в модель исторического объяснения, а обладают «теллурическим» характером, полностью

изменяющим лицо Земли. Промежуточно-итоговое заключение: культуркритические мотивы в сочинениях немецких консервативных мыслителей не сводятся к пассаизму, но предлагают образы будущего и новые способы ориентации. Последние вызываются потребностью в стабилизации социального и психологического опыта перед лицом антропологического кризиса, разрушения традиционных институтов и распада взаимосвязей. **Второй** обращается к определению свободы техники в гл. III, пар. 2.2.2. и утверждает, что с отходом от проактивного модернизма веймарского периода теряет релевантность и ницшеанско-шпенглеровская идея *amor fati* в отношении техники. Юнгер продумывает сценарии завершения технического модерна, и это преодоление титанического «вечного возвращения», равно как и трансцендирование истории предполагает свободные от технодетерминистской перспективы стратегии мифа, теологии и поэтического творчества.

В главе **VIII. Критика индустриального общества и новые признаки технократии**, последней главе диссертации, рассматриваются преимущественно социально-философские и философско-антропологические концепции, сфокусированные на негативных последствиях технизации (автоматизации, роботизации, атомных технологий и т.д.) для структуры позднего индустриального общества и задающие теоретическую рамку для *Technokratiedebatte* 1960-гг. Параграф **1. Гюнтер Андерс об «устарелости человека»** состоит из двух подпараграфов **1.1. «Негативная антропология» и апокалиптическая феноменология техники** и **1.2. «Прометеев стыд»**. Предметом анализа в них выступает также непереведенный на русский язык двухтомный труд малоизвестного в России немецкого феноменолога и социального теоретика Г. Андерса «Устарелость человека» (1956, 1980), принадлежавшего к поколению тех, кто начал активную социальную жизнь после окончания Первой мировой войны (как А. Гелен или Т.В. Адорно). Параграф начинается с попытки рубрицирования «негативной антропологии»²⁶ Андерса, соотнесении его взглядов с Гуссерлем и Хайдеггером, с философско-антропологическим подходом, марксизмом. Дискурс Андерса

---

²⁶ Эта же характеристика используется в исследованиях: *Спирова Э. М.* «Негативная антропология» Гюнтера Андерса, или кризис прометеевского проекта // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 4 (48). С. 134–143; *Babich B.* Günther Anders's Philosophy of Technology: from Phenomenology to Critical Theory. L.: Bloomsbury, 2022.

классифицируется как культуркритический, а его институциональная принадлежность к Франкфуртской школе служит аргументом a fortiori в пользу отнесения социальной критики буржуазной культуры к компенсаторной парадигме рефлексивного модерна. Далее разбираются ключевые понятия «градиента Прометея» или «стыда Прометея», призванные указать на то, что 1) человек больше не отвечает уровню своих технических возможностей; 2) техническое производство действительности посредством медиа приводит к тому, что наше восприятие оказывается в зависимости от техники; 3) субъект более не использует средства, а просто реагирует на существование определенных технических артефактов. Наконец, рассматривается изданная Б. Расселом переписка Г. Андерса и американского летчика К. Изерли, который участвовал в бомбардировке Хиросимы. С одной стороны, в этих письмах Андерс обнаруживает себя как активный участник антиядерного движения. С другой стороны, он показывает более глубокий и интересный вариант решения парадокса «банальности зла». Процесс массового уничтожения человечества, по мнению Андерса, все больше становится похожим на промышленное производство, основанное на разделении труда: никто не делает ничего плохого, каждый просто выполняет посильную работу. Весь ужас ситуации только подчеркивается научным жаргоном, техническими терминами, сокращениями, неуместными сравнениями и шутками. Люди более неспособны адекватно воспринимать опасность и адекватно реагировать на нее когнитивно и эмоционально. Человек чувствует себя чужим в мире техники, поскольку произведенные им продукты открывают возможности, превосходящие его физическую и духовную конституцию.

За основу рассмотрения критики индустриального общества в параграфе **2. Ханс Фрайер о «доминировании технических категорий»** берутся две работы основателя Лейпцигской школы социологии – книга «Теория современной эпохи» (1955) и программная статья «О доминировании технических категорий в жизненном мире позднего индустриального общества» (1960, переведена и опубликована автором диссертации в 2011 г.), также считающиеся классикой немецкой философии техники. По сравнению с ранним проектом «философии истории техники» здесь наблюдается тенденция к выстраиванию масштабной культурфилософии техники, в которой техника осмысливается как учреждающая инстанция современности. Фрайер по-прежнему фокусируется на отношении техники и господства, однако если в «Революции справа» надежды возлагались на установление национального технократического господства, то теперь Фрайер ставит акцент на

монополии абстрактных технических категорий, за которыми стоит «безличность» и «объективность» технических средств («вторичные системы»). Элементы культуркритического дискурса (совмещение исторической, социальной и психологической перспектив, место техники в культуре, постисторическая оптика) отчетливо прослеживаются и в эссе А. Гелена «Душа в техническую эпоху» (1957), что является сюжетом параграфа **3. Арнольд Гелен о человеке в техническую эпоху**. Выявляются сходства и различия между гипотезами возникновения научно-технической цивилизации у Гелена и Шелера. Анализируется концепт «суперструктуры», которая представляет собой своеобразное соединение техники, политики и промышленности и преобразуется в некую отдельную, противоположную человеку как «недостаточному существу» реальность. Высокий уровень абстрактности технических систем меняет людей и их психику – в этом диагноз Гелена совпадает с диагнозом его академического учителя Фрайера. У Гелена присутствуют типичные элементы ницшеанской критики культуры, что объясняется специфической конфигурацией социокультурного горизонта, определяющего герменевтический опыт поколения, к которому принадлежал Гелен. Теория институтов Гелена²⁷ (подобно критике метафизики Хайдеггера) вписывается в послевоенную дискуссию о технике благодаря проблематизации человеческой свободы и субъективности. Единственный возможный путь сопротивления разрушающей традиционные институты научно-технической цивилизации видится ему в реабилитации института личности в смысле некоего адвоката идеального мира. В модусе воздержания и аскезы личность как бы берет на себя изначальную функцию всех институтов, чтобы положить границы принуждению со стороны технических обстоятельств и дать надежную рамку для ориентации в технической повседневности.

Взгляды Х. Шельски, причисляемого к «технократическому консерватизму», подробно разбираются в следующем параграфе **4. Хельмут Шельски и «дискуссия о технократии» в 1960–1970-е годы**. Здесь развивается гипотеза, что период 1960-х годов в умонастроении немецких консерваторов был отмечен рядом попыток выработать нейтральную или позитивную установку по отношению к тем социальным и технологическим изменениям, которые происходили в европейских обществах после

---

²⁷ См.: Руткевич А. М. Теория институтов А. Гелена // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 3–25.

второй индустриальной революции. В этом смысле Шельски образует одну линию с Ф. Поллоком, Ж. Фридманом²⁸, активно ссылается на работы своего французского ровесника Ж. Эллюля. Автор доклада «Человек в научной цивилизации» (1961), послужившего триггером для *Technokratiedebatte* в Германии, развивает идею принуждения со стороны вещей (*Sachzwang*), которое лежит в основе сегодняшней модели государства. Политическое волеобразование, свобода принятия решений отмирают, место ценностей и политических норм занимают научно-технические потребности. Вместе с тем ставится под сомнение обозначение Шельски как «технического детерминиста», однако приводятся доводы в пользу того, чтобы считать его взгляды выражением технократии 2.0. в смысле экспертократии.

Последний параграф главы и всей книги **5. Готтхард Гюнтер о «сознании машин»** посвящен практически неизвестному в России (и мало изученному за рубежом) философу, логике и кибернетике Готтхарду Гюнтеру, который не только представляет вместе с Шельски одно и то же интеллектуальное поколение, но и знаменует начало нового «проактивного колебания» маятника модерна. В подпараграфе **5.1. «Трансклассическая кибернетика»** излагается содержание главной философской работы Гюнтера «Сознание машин» (именно 2-е изд. 1963 берется как парадигмальное для нового технократического поворота). Автор развивает предложенный еще Х. Фрайером проект «духовной истории техники», чтобы установить созидательную роль техники в системе культуры общества. Как «трансклассический кибернетик» Гюнтер надеется *преодолеть дихотомию материи и духа в рамках многозначной логики*, поскольку включение в научную рефлексию не только нерелексивных объектов, но и релексивных процессов требует иной метафизики и иной логики. В центре внимания — различие между «классической» и «трансклассической техникой» («второй машиной»). Если классическая (архимедова) машина производит работу, то вторая (кибернетическая машина) производит информацию, которая в свою очередь образует третий онтологический уровень наряду с объективной трансценденцией материальных вещей и субъективной интросценденцией самосознания. Кибернетическая машина (прообраз ИИ) означает, что техника уже не есть часть человека как его инструмент, но человек в известной мере становится частью техники, ибо лишь

---

²⁸ Ср.: Таверизян Г. М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». С. 186.

посредством нее он может сформировать свой собственный образ. Подпараграф **5.2. «Американский киборг»** резюмирует идеи Гюнтера в эсхатологической перспективе письма Э. Юнгера от 3.12.1951 на тему метафизики истории после конца истории из архива Э. Юнгера в DLA Marbach и неопубликованной при жизни рукописи книги «Американский апокалипсис». Гюнтер предвидит техническую и ментальную экспансию в неохваченные до сих пор субатомарные регионы генетики и кибернетики, протагонистом которой выступает Америка как глобальный прагматический игрок. В завершение констатируется первенство Гюнтера в разработке, с одной стороны, объектно-ориентированной онтологии кибернетического типа, а с другой, теории конфликта цивилизаций или «ожесточенных культурных войн» на арене планетарно-технической цивилизации.

В **Заключении** подводятся итоги работы и рекапитулируются главные идеи диссертационного исследования.

Содержание диссертации отражено в следующих основных публикациях:

Монография

Михайловский А.В. Маятник модерна. Дискуссии о технике в Германии. М.: Академический проект, 2024. 495 с.

Публикации, индексируемые в WoS, Scopus или вышедшие в изданиях, входящих в Списки журналов НИУ ВШЭ А, В, С или D

		Scopus	Список ВШЭ
1	<i>Михайловский А.В.</i> Вернер Зомбарт как критик техники // Социологическое обозрение. 2024. Т.23. №2. С. 260–282.	Q1	В
2	<i>Михайловский А.В.</i> Теодор Лессинг, философские поколения и циклы культуркритики в Германии // Вопросы философии. 2024. №11. (в печати).	Q2	В
3	<i>Михайловский А.В.</i> Критика «технотронной цивилизации» у П.П. Гайденко в аспекте немецкой культуркритики // Вопросы философии. 2023. № 7. С. 6–12.	Q2	В
4	<i>Михайловский А.В.</i> Четыре основных вопроса философии техники. // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 225–233.	Q1	В

5	<i>Михайловский А.В.</i> Философия техники Ханса Фрайера (с переводом статьи Х. Фрайера «К философии техники») // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 62–79.	Q2	B
6	<i>Михайловский А.В.</i> На пути к «духовной истории техники»: фрагмент одного проекта Ханса Блюменберга // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 3. С. 315–333.	Q2	D
7	<i>Mikhailovsky Aleksandr V.</i> Some Features of Russian Reception of Martin Heidegger in Relation to Debates Over His Black Notebooks // Russian Studies in Philosophy, 2021, 59:3. Pp. 183–204.	Q4	C
8	<i>Михайловский А.В.</i> Инженерная деятельность и техническая форма жизни // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 1. С. 29–42.	нет	D
9	<i>Михайловский А.В.</i> Хайдеггер будущего и будущее Хайдеггера // Horizon. Феноменологические исследования. Т. 7. №2. 2018. С. 337–364.	Q4	C
10	<i>Михайловский А.В.</i> Концепт // Эпистемология & философия науки. Т. XXII, №4. 2009. С. 162–166.	нет	B
11	<i>Михайловский А.В.</i> «Методика вместо теории познания и наукоучения» Гуго Динглера. Предисловие к публикации // Эпистемология & философия науки, т. X, №4. 2006. С. 184–192.	нет	B
12	<i>Михайловский А.В.</i> Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // ВФ №9, 2008. С. 158–171.	Q4	B
13	<i>Михайловский А.В.</i> О «политической теологии» в круге Георге // Вопросы философии, 2012. № 2. С. 163–167.	Q2	B
14	<i>Михайловский А.В.</i> Три принципа «политической теологии» в круге Штефана Георге // Вопросы философии, 2013. №5. С. 149–160.	Q2	B
15	<i>Михайловский А.В.</i> Два литературных свидетельства о Великой войне // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 106–111.	Q2	B
16	<i>Михайловский А.В.</i> Начало «Черных тетрадей»: эзотерическая инициатива Мартина Хайдеггера // Социологическое обозрение. 2018. Том 17. №2. С. 62–86.	Q2	B
17	<i>Mikhailovsky A.</i> Fjodor Stepun and Ernst Jünger: intellectuals at war // Studies in East European Thought: Volume 66, Issue 1 (2014). Pp. 77–87.	Q4	C

Другие публикации

А. Главы в академических изданиях

Михайловский А.В. Значение языка «Рабочего» для хайдеггеровской критики метафизики // Историко-философский ежегодник' 2001. М.: Наука, 2003. С. 218–248.

Михайловский А.В. Чего не видел Эрнст Юнгер. Рецензия на: Martin Heidegger. Zu Ernst Jünger. Gesamtausgabe Band 90. Hrsg. von Peter Trawny. Vittorio Klostermann: Frankfurt a. M., 2004 // Ежегодник по феноменологической философии. Вып. 1. М.: РГГУ, 2008. С. 477–491.

Михайловский А.В. Германия // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под. ред. В.А. Куренного. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009. С. 116–162.

Михайловский А.В. Современная техника: нейтральное средство или форма господства? // Человек в техническом мире: вызовы XXI века. Сборник материалов XIV конференции «Наука. Философия. Религия». М.: Фонд Андрея Первозванного, 2012. С. 136–144.

Михайловский А.В. Техника как оптимация // Философия в условиях социокультурного многообразия: от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров. Сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратове. Саратов: ИЦ «Наука», 2017. С. 137–141.

Михайловский А.В. Проектирование как форма жизни // Философия и социология техники в XXI веке. К 70-летию В.Г. Горохова / Под общ. ред. И.Ю. Алексеевой, А.А. Костиковой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2018. С. 187–193.

Михайловский А.В. Хайдеггер и Аристотель о *techne* и *physis* // М. Хайдеггер: pro et contra, антология / Науч. ред. Ю. М. Романенко. СПб.: РХГА, 2020.

Михайловский А.В., Пилявский Н.А. Мартин Хайдеггер и будущее: почему у техники нет технической сущности и зачем нужна поэзия в XXI веке // М. Хайдеггер и русская философская мысль. Коллективная монография / Отв. ред. Ю.М. Романенко. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. С. 356–378.

Михайловский А.В. Философия техники Освальда Шпенглера в связи с его незавершенным трудом «Urfragen» // История философии в разных ракурсах: идеи, концепции, методы. К 70-летию Алексея Михайловича Руткевича / Под ред. И.И. Блауберг. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 95–109.

Michajlovskij Alexander. Die Freiheit der Technik? // Jünger-Studien. Freiheit (Bd. 7) / G. Knapp (Hrsg.). Tübingen: Attempto-Verlag, 2015. S. 105–124.

Michailowski Alexander. Die Philosophie der Technik in den zwanziger und dreißiger Jahren und Ernst Jüngers *Der Arbeiter* // Jünger-Debatte, Band 3 / Hrsg. von T. Bantle, A. Pschera und P. Trawny. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 2020. S. 21–34.

Michailowski Alexander. In der Welt der selbstfahrenden Autos: Warum Heideggers Philosophie trotzdem nicht zu entsorgen ist und wieso sein Denken der Technik zu einer Philosophie der Zukunft gehört // Seubert H., Neugebauer K., Massa M. (Hg.). «... wo aber Gefahr ist ...». Heidegger und die Philosophie der planetarischen Technik. Freiburg/München: Verlag Karl Alber, 2021. (Schriftenreihe der Martin-Heidegger-Gesellschaft, Bd. 13). S. 150–169.

Б. Публикации в академических журналах

Михайловский А.В. Гамбит Козловского. Рецензия на книгу: Козловски П. Миф о модерне. М.: Прогресс, 2002 // Логос №3, 2003. С. 129–133.

Михайловский А.В. Рецензия на книгу: Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. СПб, 2002. // Космополис № 1 (7), весна 2004. С. 168–173.

Михайловский А.В. Рецензия на книгу: Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. Учебное пособие. М., 2003 // Вопросы философии, 2004, № 9. С. 178–181.

Михайловский А.В. «Внутренняя эмиграция» немецких консерваторов // Космополис № 3 (13), осень 2005. С.117–130.

Михайловский А.В. О критике кризиса // Сократ. Журнал современной философии. 2009. №1. С. 22–27.

Михайловский А.В. Фотография и тотальная мобилизация. Фотоальбомы Эрнста Юнгера о войне // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия философия. Филология. №1 (7). 2010. С. 42–60.

Михайловский А.В. Миф, история, техника: размышления Эрнста Юнгера у «стены времени» // История философии. №15. М.: ИФРАН, 2010. С. 57–82.

Михайловский А.В. Свобода техники? К пониманию техники у Эрнста и Фридриха Георга Юнгеров // Философские науки. 7/2013. С. 79–95.

Михайловский А.В. Онтология фандрайзинга // Сократ. Сентябрь 2016. С. 86-91.

Михайловский А. В. Ранняя мысль М. Хайдеггера о технике: между критикой культуры и героическим реализмом // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 387–393.

Михайловский А.В. Хайдеггер и Аристотель о *techne* и *physis*. Статья первая. Герменевтическое значение Аристотеля для формирования Хайдеггеровской мысли о

технике // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». Выпуск Философия. № 3 (5). 2016. С. 37–51.

Михайловский А.В. Хайдеггер и Аристотель о *techne* и *physis*. Статья вторая. «Подлинная техника» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 1 (7). 2017. С. 36–46.